

JAZYKOVĚDNÉ AKTUALITY

**INFORMATIVNÍ ZPRAVODAJ
ČESKÝCH JAZYKOVĚDCŮ**

roč. XXXV – 1998

Zvláštní číslo

JAZYKOVĚDNÉ

AKTUALITY

INFORMATIVNÍ

ZPRAVODAJ ČESKÝCH JAZYKOVĚDCŮ

ROČ. XXXV - 1998

ZVLÁŠTNÍ ČÍSLO

Vydává Jazykovědné sdružení České republiky

Redakční rada:

Jan Kořenský (hlavní redaktor)

Jana Hoffmannová (zástupkyně hlavního redaktora)

Alena Vrbová (výkonná redaktorka)

Adolf Erhart, Ján Horecký, Jiří Nekvapil, Pavel Novák, Zdeněk Starý

Adresa redakce a administrace:

Ústav pro jazyk český AV ČR, Letenská 4, 118 51 Praha 1

(k rukám prof. J. Kořenského)

Podávání novinových zásilek povoleno Ředitelstvím pošt Praha č.j. NP 583/1993

ze dne 13.4.1993

OBSAH

Slovo úvodem k mimořádnému číslu Jazykovědných aktualit

J. Panevová

7

Programma 24-ogo zasedanija Komissii po grammatičeskomu stroju pri

Meždunarodnom komitete slavistov

9

ČÁST 1

VZTAH LEXIKA A GRAMATIKY

Leksičeskoje značenije i upravlenije: leksikografičeskij aspekt

Ju. D. Apresjan

15

Kategorialnoje predstavlenije idei vremeni

A. V. Bondarko

29

Osobní zájmena v textu

Fr. Daneš

37

Grammatical Gaps and Lexical Gaps - Aspect and the Lexicon in Macedonian

V. A. Friedman

40

Monosemia a polisemia przyimków w opisie leksykograficznym

M. Grochowski

46

Konstrukce z <i>się</i> , a jednotki leksykalne z elementem <i>się</i> we współczesnej polszczyźnie	48
R. Grzegorzycykowa	
Ordering of Valency Slots in Lexical Entries	
E. Hajičová	51
Tzv. totální kvantifikátory v češtině	
M. Hirschová	52
Leksičeskije i sintaksičeskije sredstva peredači kosvennogo istočnika informacii v russkom tekste	
N. A. Kozinceva	55
Zur Faktizität von Prädikaten des Wissens im Bulgarischen und Russischen	
R. Nicolova	59
Ještě k teorii valence – tentokrát na materiálu českých adjektiv primárních	
J. Panevová	63
"On očėn daže ženat!" Absolutnyje i odnositelnyje priznaki	
H. Tommola	70
Ustupitelnyje predložėnija v sisteme implikativnych konstrukcij	
V. S. Chrakovskij	76

ČÁST 2

TEXTOVÁ LINGVISTIKA

Slovo v textu	
J. Kořenský	83
Věta, promluva a slovosled	
P. Sgall	89
Gramatická a informační struktura věty	
O. Uličný	91

Slovo úvodem k mimořádnému číslu Jazykovědných aktualit

Rozhodnutí vydat mimořádné číslo Jazykovědných aktualit je mimořádné, stejně jako byla mimořádná akce, kvůli níž je vydáváme. Mním tím mimořádnost ve smyslu možností, které Jazykovědné sdružení České republiky jakožto občanské sdružení v současné době má. Na řádnost konání výročního zasedání Komise pro gramatickou stavbu při Mezinárodním komitétu slavistů poukázal v dvojčísle 1-2 Jazykovědných aktualit 35, s. 72-73 Jan Kořenský. Tam zhodnotil i náplň této akce, a to proto, že při sestavování onoho dvojčísla jsme byli daleci jistoty, zda bude možno mimořádné číslo vydat. Nechci opakovat fakta uvedená ve věcném příspěvku J. Kořenského, připomenu jen, že po 11. mezinárodním sjezdu slavistů v Bratislavě, kde se jako vždy na sjezdu konalo organizační zasedání Komise, se podařilo zorganizovat výroční zasedání díky jejím aktivním členům z příslušných univerzit na Univerzitě M. Kopernika v Toruni (1994), na Univerzitě v Göteborgu (1995) a na Univerzitě ve Florencii (1996). Česká strana, která měla v Komisi šest řádných členů (M. Komárka, F. Daneše, M. Grepla, Ľ. Hlavsu, J. Kořenského a J. Panevovou, z nichž první jmenovaný je místopředsedou Komise), se cítila být na radě (poslední zasedání Komise na území tehdejší ČSFR se konalo v říjnu 1989 péčí prof. Komárka v Malé Morávce v Beskydech). Jazykovědnému sdružení se díky organizační i finanční podpoře Ústavu pro jazyk český AV ČR, finanční podpoře ze strany Filozofické fakulty UK v Praze, zejména jejího Ústavu bohemistických studií, a všestrannému pochopení ze strany Matematicko-fyzikální fakulty UK (na úrovni vedení Ústavu formální a aplikované lingvistiky, informatické sekce i kolegia děkana) podařilo ve dnech 3.-5. října 24. zasedání Komise pro gramatickou stavbu při MKS realizovat.

Úspěch tohoto zasedání lze nyní měřit nejenom zprávou Jana Kořenského v prvním řádném dvojčísle 35. ročníku Jazykovědných aktualit, ale i pomocí více nebo méně zhuštěných abstraktů příspěvků, které tam ke dvěma tematickým okruhům byly předneseny a které zde uveřejňujeme. Nezveřejněné příspěvky, jejichž název čtenář zjistí v Programu zasedání, nebyly dodány včas. Organizátoři tak využívají této možnosti, aby seznámili s výsledky práce Komise širší obec českých gramatiků a členů Jazykovědného sdružení. Kromě řádných členů Komise jsme měli možnost přizvat i další odborníky z ČR (byli to M. Hirschová, E. Hajičová, P. Sgall a O. Uličný). Problémy s transkripcí azbuky byly vyřešeny tak, že v obsahu zvláštního čísla a v programu zasedání jsme transkripci přizpůsobili pravidlům přepisu do češtiny, zatímco v jednotlivých příspěvcích jsme respektovali transkripci autorů.

Organizátoři by rádi poděkovali nejen všem, kteří se aktivně zasedání zúčastnili, ale také těm, kteří se o jeho uskutečnění zasloužili: náš dík patří řediteli ÚJČ AV ČR prof. dr. J. Krausovi, DrSc., vědecké tajemnici ÚJČ PhDr. J. Bachmannové, CSc., nemůžeme nezpomenout zásluh předsedy vědecké rady ÚJČ AV ČR, který nás neočekávaně opustil, aniž stihl abstrakt své přednášky připravit, PhDr. Z. Hlavsy, CSc. O realizaci našeho zasedání se zasloužili také děkan FF UK doc. dr. F. Vrhel, CSc., a její proděkan prof. dr. J. Kuklík, CSc., z MFF UK ředitelka ÚFAL prof. dr. E. Hajičová, DrSc., a proděkan pro informatiku doc. dr. A. Kučera, CSc. O hladký průběh organizační se nemalou měrou zasloužil Mgr. K. Ribarov z MFF UK.

Říjen 1998

Jarmila Panevová

**PROGRAMMA 24-OGO ZASEDANIJA
KOMISSII PO GRAMMATIČESKOMU STROJU
PRI MEŽDUNARODNOM KOMITETE SLAVISTOV**

Češskaja respublika, Malá Skála, Oktjabr 3-5, 1997

PJATNICA, 3-EGO OKTJABRJA

9,00-9,30 Otkrytije zasedanija (J. Kraus, direktor Instituta češskogo jazyka AN ČR, J. Panevová)

Predsedatel: **J. Kraus**

9,30-10,00 **R. Růžička** (Leipzig): Uslovnost' leksičeskoj predkazujemosti

10,00-10,30 **Ju. D. Apresjan** (Moskva): O slovare upravljenija i sočetajemosti ruskogo glagola

10,30-10,50 *Pereryv na kofe*

10,50-11,20 **Fr. Daneš** (Praha): Osobní zájmena v textu (v aspektu kontrastivně-srovnávacím) - *doklad predstaven J. Krausom*

11,20-11,50 **V. Friedman** (Chicago): Grammatical Gaps and Lexical Gaps - Aspect and the Lexicon in Macedonian

11,50-12,20 **P. Piper** (Beograd): O leksikografičeskom opisu analitičkich predikata

12,20-15,30 *Pereryv*

Predsedatel: **Ju. D. Apresjan**

15,30-16,00 **R. Nicolova** (Sofia): Kām vāprosa za otnošenieto meždu leksika i sintaksis pri označavane na argumentite na predikata v prostoto i v složnoto izrečenie

16,00-16,20 *Pereryv na kofe*

16,20-16,50 **J. Panevová** (Praha): Ještě k teorii valence (na materiálu českých adjektiv primárních)

16,50-17,20 **N. Kozinceva** (Sankt-Peterburg): Leksičeskije i sintaksičeskije sredstva peredači kosvennogo istočnika informacii v ruskom tekste

SUBBOTA, 4-OGO OKTJABRJA

Predsedatel: **R. Nicolova**

9,00-9,30 **R. Grzegorzczkova** (Warszawa): Semantyczne uwarunkowania tzw. strony zwrotnej (medialnej)

9,30-10,00 **V. S. Chrakovskij** (Sankt-Peterburg): Ustupitelnyje predloženiya v sisteme implikativnykh konstrukcij

10,00-10,30 **A. V. Bondarko** (Sankt-Peterburg): Kategorialnoje predstavlenije idei vremeni (na materiale ruskogo jazyka)

10,30-10,50 *Pereryv na kofe*

10,50-11,20 **E. Hajičová** (Praha): Ordering of Valency Slots in Lexical Entries

11,20-11,50 **R. Laskowski** (Göteborg): Defektywne paradygmaty stopniowania w języku polskim

12,00-15,00 *Pereryv*

Predsedatel: **R. Laskowski**

15,00-15,30 **M. Grochowski** (Warszawa): Monosemia i polisemia przyimków w opisie leksykograficznym

15,30-16,00 **H. Tommola** (Helsinki): "On očeň daže ženat!" K razgraničeniju absoljutnogo i odnositelnogo priznakov

16,00-16,20 *Pereryv na kofe*

16,20-16,50 **Z. Hlavsa** (Praha): Gramatické signály lexikálních rozdíľů v češtině

16,50-17,20 **M. Hirschová** (Olomouc): Tzv. totální kvantifikátory v češtině (ve srovnání s ruštinou a angličtinou)

VOSKRESENJE, 5-OGO OKTJABRJA

Predsedatel: **R. Růžička**

9,00-9,30 **P. Sgall** (Praha): Sentence, Context and Word Order

9,30-10,00 **J. Kořenský** (Praha): Funkce slova v textu

10,00-10,30 **H. Schaller** (Marburg): Die textgrammatische Funktion der pronominalen Kurzformen des Mazedonischen - Vergleichende Aspekte mit anderen balkanslawischen Sprachen

10,30-10,50 *Pereryv na kofe*

10,50-11,20 **O. Uličný** (Praha): Gramatická a informační struktura věty

12,00 *Obed*

13,00-17,00 *Ekspursija po mestnosti Češkij raj*

17,30-19,00 *Rabočeje zasedanje Komissii po grammatičeskemu stroju*

ČÁST 1

VZTAH LEXIKA A GRAMATIKY

Ju. D. Apresjan

A. V. Bondarko

Fr. Daneš

V. A. Friedman

M. Grochowski

R. Grzegorzcykowa

E. Hajičová

M. Hirschová

N. Kozinceva

R. Nicolova

J. Panevová

H. Tommola

V. S. Chrakovskij

Лексическое значение и управление:

лексикографический аспект

Ю. Д. Апресян

В начале восьмидесятых годов был опубликован написанный мною в соавторстве с Эрной Палл двухтомный словарь „Русский глагол - венгерский глагол. Управление и сочетаемость“ (Будапешт, 1982). В основу его лексикографической концепции были положены принципы дистрибутивно-трансформационного описания глагольной лексики, разработанные в моей книге „Экспериментальное исследование семантики русского глагола“ (Москва, 1967). Сама книга писалась с 1961 по 1965 годы. С тех пор представления о языке вообще и о его словарном компоненте в частности радикально обновились, в связи с чем возникла необходимость по-новому взглянуть и на проблему управления - как в теоретическом, так и в лексикографическом аспекте. В середине 80-х годов я начал переработку русской части упомянутого словаря в толковый словарь управления и сочетаемости, учитывающий лингвистические инновации последних десятилетий и мои собственные исследования в области интегрального описания языка. Я успел переработать первые три буквы словаря (А-В). Этот массив словарных статей, с учетом обилия приставочных глаголов на *в-* и *вы-*, дает, как кажется, достаточный материал для некоторых обобщений.

В сегодняшнем докладе, являющемся продолжением работы „О толковом словаре управления и сочетаемости русского глагола“ (См. сборник „Словарь. Грамматика. Текст“, М., 1996), я хотел бы рассказать о новом варианте словаря, поставив в фокус внимания, в соответствии с общей темой нашей встречи,

вопросы взаимодействия лексического значения словарных единиц с их синтаксическими (в особенности управляющими) свойствами. Замечу, что по мере продвижения работы словарь начал перерастать рамки первоначального замысла и постепенно превратился из словаря управления и сочетаемости *par excellence* в гораздо более общий интегральный толковый словарь русского языка.

Рассказ о словаре удобнее всего строить как рассказ о его теоретических принципах и вытекающей из них зонной структуре словарной статьи, или, что то же самое, о типах помещаемой в нем лексикографической информации.

Основные теоретические принципы, лежащие в основе этого словаря (интегральность, системность, активность, установка на отражение „наивной“, или языковой картины мира), подробно излагаются в моей монографии „Интегральное описание языка и системная лексикография“ (см. Ю. Д. Апресян, „Избранные труды“, М., 1995, том II). Поэтому здесь я ограничусь формулировкой главного принципа: лексеме (слову в определенном лексическом значении) должны быть приписаны в словаре все парадигматические и синтагматические свойства, обращения к которым могут потребовать правила лингвистического описания. В число последних включаются не только собственно грамматические правила (морфологические и (поверхностно-) синтаксические), но и глубинно-синтаксические (например, правила перифразирования на основе лексических функций в смысле И. А. Мельчука), семантические (толкования, правила семантической модификации, области действия и т. п.), коммуникативные (темо-рематические), просодические, сочетаемостные и ряд других. Поэтому лексеме в словаре оказывается необходимым приписать гораздо более обширную информацию,

чем было принято до сих пор. Полный объем этой информации будет экзemplифицирован ниже - в прилагавшем к данному сообщению фрагменте словарной статьи глагола *выбирать* - *выбрать*.

В дальнейшем, в согласии с общей темой нашей нынешней встречи, я сосредоточусь преимущественно на информации об управлении, но и ее намету пунктирно и проиллюстрирую на отдельных примерах, возлагая основные надежды на упомянутое выше приложение.

Ключом к понятию управления является понятие семантической валентности слова, а ключом к этому последнему - аналитическое толкование соответствующей лексемы, сводимое в конечном счете к семантическим примитивам. Аналитические толкования строятся с использованием предметных переменных для обозначения участников называемой данным словом ситуации. Мы будем пользоваться для этой цели переменными P1, P2 и т. д. Число переменных, необходимых для истолкования лексического значения слова, и определяет число его семантических валентностей. Покажем это на примере двух первых значений глагола *выбирать* - *выбрать*, замечательных, среди прочего, еще и тем, что ни в одном толковом словаре современного русского языка они не различаются.

Выбрать 1.1: P1 выбрал P2 из P3 по P4 для P5 [например, *Он еще не выбрал специализацию, Она выбрала для выпускного вечера белое шелковое платье, Он долго выбирал арбуз*] = '(1) Человек P1 мог взять или как-то иначе сделать своим любой объект из множества P3 однородных объектов; (2) P1 рассмотрел эти объекты по признаку P4, существенному для его цели P5 [предсуппозиции]; (3) P1 решил взять или взял объект P2 как более других соответствующий этой цели [ассерция]'

Выбрать 1.2: *P1* *выбрал* *P2* [например, *Он выбрал эмиграцию <свободу, смерть на костре>*] = '(1) Человек *P1* должен был взять или как-то иначе сделать своим ровно один из двух неоднородных объектов *P2* и *P3*; (2) *P1* знал, что взятие одного из них вызовет безусловную потерю других; (3) *P1* решил, что он потеряет меньше, если возьмет *P2* [пресуппозиция]; (4) *P1* взял или как-то иначе сделал своим *P2* [ассерция]'

Второе из этих значений противопоставляется первому по четырем важным семантическим признакам: 1) 'неальтернативные объекты' (покупая арбузы, можно выбрать несколько поправившихся плодов) - 'альтернативные объекты' (надо выбрать ровно один, например, либо отказ от принципов, либо смерть на костре); 2) 'однородные объекты' (те же арбузы) - 'неоднородные объекты' (кошелек или жизнь); 3) 'возможность выбирать' (можно уйти с рынка, не выбрав ни одного арбуза) - 'необходимость выбрать'; 4) 'разворачивающееся действие' (ср. *Он долго выбирал арбуз*) - 'моментальное действие' (*Я выбираю свободу*).

Право каждой из двух лексем на самостоятельный статус подтверждается не только принципиальным различием их толкований и управляющих свойств (ср. пять переменных в первом толковании и только три - во втором), но и совокупностью всех других лингвистически существенных свойств. Все эти свойства в той или иной мере мотивированы семантикой лексем и подлежат включению, в рамках интегрального описания языка, в их словарные статьи. Укажем наиболее интересные из них.

Просодия. Лексема *выбрать 1.1* может нести главное фразовое ударение и быть ремой высказывания. Ср. *Я \downarrow выбрал специализацию*. Для лексемы *выбрать 1.2*, особенно в форме СОВ, это практически исключено. Ср. *Он*

выбрал \downarrow смерть. См. также Приложение.

Морфологическая семантика. Лексема *выбрать 1.1* принадлежит к лексико-семантическому классу предельных глаголов и поэтому в форме НЕСОВ может иметь актуально-длительное значение; ср. *Он долго выбирал арбуз*; - *Что ты там делаешь?* - *Выбираю арбуз*. Лексема *выбрать 1.2* принадлежит к классу моментальных глаголов и поэтому в форме НЕСОВ имеет перфективное (или результативное) значение даже при референции к моменту речи.

Синтаксические свойства (помимо моделей управления). Лексема *выбрать 1.1* свободно употребляется в нейтральных общеотрицательных предложениях. Ср. - *Ну как, выбрал что-нибудь?* - *Еще не выбрал*. Лексема *выбрать 1.1* тяготеет к утвердительным предложениям. Ср. неправоильность **Он не выбрал смерть на костре*.

Парадигматические лексико-семантические отношения. Синонимы *выбрать 1.1* - *избрать, подобрать, отобрать, установить выбор (на чем-л.)*; синонимы *выбрать 1.2* - *предпочесть, сделать выбор в пользу (чего-л.)*. Конверсив *выбрать 1.1* - *пригласиться*; конверсив *выбрать 1.2* - *стоять перед выбором*. (Семантические) дериваты *выбрать 1.1* - *выбор, выборка, выборщик, выборный, выборочный* и ряд других; (семантические) дериваты *выбрать 1.1* - *выбор, альтернатива* и ряд других.

Возвратимся к собственно управлению. Как ясно из сказанного, лексеме *выбрать 1.1* приписывается пятиактантная модель управления, а лексеме *выбрать 1.2* - трехактантная (подробнее см. ниже).

Для каждой валентности указываются, кроме того, все возможные способы ее выражения. При этом управляемыми считаются любые

синтаксические зависимые лексемы, если они реализуют ее семантическую валентность, независимо от способа выражения. Это приводит к существенному расширению номенклатуры управляемых форм: в их число включаются не только надежные формы, предложно-именные группы, инфинитив, *что-* и *чтобы-*предложения и косвенный вопрос, но и такие более экзотические способы, как наречие, деепричастие, *если-* и *когда-*предложения, псевдосочинительные группы и ряд других. Ср. *Он плохо себя ведет, Вы поступили плохо, Она ко мне хорошо относится, Она хорошо обращается с животными* (квалификативные глаголы управляют наречием); *Вы ошибаетесь, думая так <если так думаете>, Вы подводите коллектив, отказываясь от этой работы, Вы нарушаете правила, пересекая улицу на красный свет <когда пересекаете улицу на красный свет>* (интерпретационные глаголы управляют деепричастием и *если-когда-*предложениями, причем в этих условиях ни одна из упомянутых форм не реализует своего прототипического значения); *Выбери минутку, загляни ко мне <и загляни ко мне>, Он собрался <сосредоточился, сгруппировался> и прыгнул* (глаголы „мобилизации“ управляют псевдосочинительными группами; впервые этот тип управления, на материале глаголов типа *изловчиться*, был отмечен И. М. Богуславским).

Отмечаются такие свойства валентностей, как обязательность - факультативность и совместимость - несовместимость, и такие свойства целей моделей управления, как трансформируемость - нетрансформируемость (ср. *выбрать кого-л. председателем <в председатели> - выбрать председателя*).

Фиксируются ситуации расхождения между семантическими и синтаксическими валентностями слова, в частности, случаи смещения актанта от его подлинного (семантического) хозяина к управляющему глаголу. Так

устроены, например, словосочетания типа *посмотреть тигру в глаза*, где семантически двухвалентный глагол *смотреть* (*кто смотрит и на что смотрит*) оказывается синтаксически трехместным. Его второе дополнение (*тигру*) представляет собою результат смещения семантического актанта слова *глаза* к управляющему глаголу *смотреть*.

В заключение приведем, без дальнейших комментариев, первый блок значений из словарной статьи глагола *выбирать - выбрать*, в структуре и содержании которой мы попытались реализовать изложенные выше принципы. Зона иллюстраций опускается. В синописе - конспективном перечне значений, предваряющем их подробное описание и являющемся обязательным элементом описания многозначных слов - воспроизводится структура всей словарной статьи.

ВЫБРАТЬ, -беру, -берешь; НЕСОВ *выбирать*.

1. 'Выбрать элемент из множества':

- 1.1. 'Остановить выбор': *выбрать подарок <книгу>*;
- 1.2. 'Сделать выбор в пользу чего-л.': *Выбирай - я или он*;
- 1.3. 'Избрать путем голосования': *выбрать сельского старосту <президента>*;
- 1.4. 'Найти': *выбрать время для отдыха <свободную минутку>*;
2. 'Извлечь объект из среды или места, где он находился':
 - 2.1. 'Извлечь ненужное, чтобы использовать нужное': *выбрать сор из семян, выбрать семена*;
 - 2.2. 'Извлечь нужное для использования': *выбирать из борозды картофель*;
 - 2.3. 'Извлечь после использования': *выбрать сети <якорь>*;
 - 2.4. 'Израсходовать, использовать до конца': *выбрать весь лес <все запасы>*.

Выбрать 1.1

Значение

P1 выбрал 1.1 P2 из P3 по P4 для P5 – '(1) Человек P1 мог взять или как-то иначе сделать своим любой объект из множества P3 однородных объектов; (2) P1 рассмотрел эти объекты по признаку P4, существенному для его цели P5 [пресуппозиции]; (3) P1 решил взять или взял объект P2 как более других соответствующий этой цели [ассерция]'.
[а] В форме НЕСОВ **выбрать 1.1** значит 'P1 рассматривает различные P2 с целью решить', а не 'P1 решает взять P2', т. е. компонент 'рассматривать' переходит из пресуппозиции в ассерцию; ср. *долго выбирал* = 'долго рассматривал', *еще не выбирал* = 'еще не рассматривал', а *сразу выбрал* = 'сразу решил', *еще не выбрал* = 'еще не решил'. Таким образом, в форме НЕСОВ на одну пресуппозицию меньше, чем в форме СОВ. б) В форме СОВ **выбрать 1.1** обычно несет главное фразовое ударение; ср. *Я уже выбрал специализацию*.

Управление

P1: ИМ, 'человек';

P2.1: ВИН, 'человек', 'предмет', 'абстрактный объект': *выбрать партнера <обои, тему для сочинения>* [возможна абсолютная конструкция, особенно в контексте модального глагола или в метафорическом употреблении; ср. *Предлагаю я - **выбирает** принцесса* (Е. Шварц); *И зачем вывешивать образец, если он один-единственный и **выбирать** все равно не приходится?* (В. Солоухин); перен. *Тщеславие **выбирает**, истинная любовь не **выбирает*** (И. Бунин)];

P2.2: вопросительное слово + предложение: ***выбирать**, куда поехать на лето*;

P3: из + РОД, 'человек', 'предмет', 'абстрактный объект': ***выбирать** не из чего*;

P4.1: по + ДАТ, 'признак': ***выбирать** арбузы по цвету <по звуку>*;

P4.2: ПРИЛ, СРАВН с приставкой *по-*, 'свойство': ***выбрать** место посуше*;

P5.1: для + РОД, 'действие': ***выбрать** одежду для тренировок*;

P5.2: для + РОД, 'предмет': ***выбрать** обои для детской комнаты* [P2 используется для P3];

P5.3: ДАТ или для + РОД, 'человек': ***выбрать** костюм мужу <для мужа>* [P2 передается P3];

P5.4: на роль + РОД, 'функция человека': ***выбрать** кого-л. на роль председателя*;

P5.5: в подарок + ДАТ, 'человек': ***выбрать** жене в подарок платье*.

Сочетаемость

выбирать выражения = 'говорить, тщательно выбирая слова, чтобы не сказать лишнего, не задеть достоинство собеседника и т. п.' [только НЕСОВ, часто в форме ПОВЕЛ: ***Выбирайте** выражения!*].

Служебные зоны

Синонимы: *остановить (свой) выбор на чем-л., избрать, подобрать, отобрать*; аналоги: *наметить, облюбовать, присмотреть, приглядеть*; конверсив: *пригласиться*; дериваты: *выбор 1* [действие], *выбор 2* [объект действия: *Каков ваш выбор?*], *выборка* [результат действия: *представительная выборка*]; *выборочный*.

Выбрать 1.2

Значение

P1 выбрал P2 = '(1) Человек P1 должен был взять или как-то иначе сделать своим ровно один из двух неоднородных объектов P2 и P3; (2) P1 знал, что взятие одного из них вызовет безусловную потерю других; (3) P1 решил, что он

потеряет меньше, если возьмет P2 [пресуппозиции]; (4) P1 взял или как-то иначе сделал своим P2 [ассерция].

(а) Для **выбрать 1.2** характерно, хотя и не обязательно, противопоставление двух противоположных шкал ценностей - обывательского взгляда на мир (или здравого смысла) и высших моральных соображений. Прагматически P3 может быть выгоднее, чем P2, но моральные соображения диктуют выбор P2 как более ценного объекта; ср. *Я выбираю свободу / И пью с ней нынче на „ты“.* / *Я выбираю свободу / Норильска и Воркуты* (А. Галич). б) Число неоднородных объектов, из которых делается выбор, может быть больше двух (ср. *Выбирай - дача, квартира или машина*), но они всегда альтернативны. в) В форме НЕСОВ **выбрать 1.2** имеет перфективное или результативное, а не актуально-длительное или какое-либо другое процессное значение: *Я выбираю свободу* значит, что выбор в пользу свободы уже сделан. Поэтому число пресуппозиций в формах СОВ и НЕСОВ одно и то же - три. г) **Выбрать 1.2**, в отличие от **выбрать 1.1**, никогда не несет главного фразового ударения; ср. *А выбрал дачу* (было предложено несколько дач, и А остановил свой выбор на одной из них) VS. *А выбрал дачу* (было предложено выбрать между дачей и чем-то еще, например, городской квартирой, и А сделал выбор в пользу дачи).

Управление

P1: ИМ, 'человек';

P2.1: ВИН, 'человек', 'предмет', 'абстрактный объект': *выбрать аспирантуру <службу в армии>*;

P2.2 + P3: ИМ или ИМ: *Выбирай - семья или любовница* [только НЕСОВ];

P2.3 + P3: между ТВОР и ТВОР: *выбирать между учебой и работой* [НЕСОВ, за исключением модальных контекстов типа *Попробуй выбери между учебой и*

работой].

Служебные зоны

Синонимы: *избрать, сделать выбор в пользу чего-л., предпочесть*; аналог: *стоять перед выбором*; дериваты: *выбор 1* [действие], *выбор 2* [объект действия: *Каков ваш выбор?*].

Выбрать 1.3

Значение

P1 выбрали P2 P3-м в P4 с помощью P5 = '(1) Человек P2, наряду с другими людьми, выразил желание получить статус P3 в органе власти или организации P4; (2) люди P1, имеющие на это право, выбрали 1.1 каких-то из этих людей как более достойных, чем другие, иметь статус P3; (3) люди P1 с помощью процедуры P5 выявления воли большинства выразили волю, чтобы тот, кого они выбрали, получил статус P3 [пресуппозиции]; (4) среди P1 большинство выразило волю, чтобы статус P3 получил P2, в результате чего P2 получил этот статус' [ассерция].

[У действия **выбрать 1.3** два объекта - внешний (реальный человек, на которого направлено действие) и внутренний (возникающий в результате действия - представитель или представительный орган). Одновременно эти два актанта выражаются тогда, когда внешний объект является прямым дополнением, а внутренний - косвенным или предложным; ср. *выбрать кого-л. председателем собрания <в президиум съезда>*. Если же прямым дополнением является внутренний объект, то внешний объект обычно невыразим; ср. *выбрать председателя собрания <президиум съезда>*].

Управление

P1.1: ИМ, 'человек', обычно МН или имя совокупности типа *группа, общество*;

P1.2: от + РОД, МН или имя совокупности; **выбрать 1.3** в форме СТРАД или МН с неопределенно-личным значением: *На первых свободных выборах одна треть депутатов была выбрана от общественных организаций; От институтской общественности делегатом на общее собрание выбрали Иванова;*

P2: ВИН, 'человек': **выбрать** молодых людей (на ключевые посты <в местком>);

P3.1: ВИН, '(выборная) должность': **выбрать** представителя Думы по правам человека <президента, председателя собрания>;

P3.2: ТВОР, '(выборная) должность': **выбрать** актера президентом <своим представителем>;

P3.3: в + ВИН, МН, '(выборная) должность': **выбрать** актера в президенты;

P3.4: на + ВИН, пост, должность: **выбрать** на пост казначея безупречно честного человека;

P4.1: ВИН, 'орган власти': **выбрать** президиум съезда <нижнюю палату парламента>;

P4.2: в + ВИН, 'орган власти': В президиум **выбрали** ветеранов войны, В верхнюю палату не **выбрали** ни одной женщины;

P5: ТВОР, 'способ голосования, процедура': **выбрать** тайным <открытым> голосованием.

Сочетаемость

S1: НАРЕЧИЕ или ТВОР, 'характер или результат голосования': **выбрать** единодушно <единогласно, подавляющим большинством, незначительным большинством>.

S2: на + ВИН, 'срок полномочий P2': Президента США **выбирают** на четыре

года <не более чем на два срока>.

Служебные зоны

Синонимы: *избрать, участвовать в выборах*; аналоги: *делегировать, голосовать, кооптировать*; конверсивы: *баллотироваться* [иметь свою кандидатуру выставленной для голосования]; *выставлять свою кандидатуру, пройти во что-л.* [быть избранным]; антоним: *прокатить*; дериваты: *выборы, избиратели; выборыики; кандидат, избранник; выборный*; [ср. *выборная должность; выборный орган*]; *избирательный* [ср. *избирательный закон, избирательное право* и т. п.].

Выбрать 1.4

Значение

P1 **выбрал** *P2* для *P3* = 'Из немногих периодов или моментов времени, когда он мог сделать *P3*, человек **выбрал** 1.1 период или момент *P2* как наиболее удобный для того, чтобы сделать *P3*'.

[Лексема **выбрать 1.4** требует, как правило, реализации всех трех валентностей одновременно. Даже в таких случаях, как *Выбрав момент, он вмешался в разговор*, валентность *P3* реализуется, хотя и необычным способом: синтаксически **выбрать 1.4** в форме ДЕЕПР подчинен глаголу главного предложения, но семантически именно этот глагол заполняет его третью валентность; ср. *Выбрав момент, он вмешался в разговор* ≈ *Он **выбрал** момент для вмешательства в разговор*].

Управление

P1: ИМ, 'человек';

P2: ВИН, 'время': *Выбрав время, он поехал в командировку*;

P3.1: для + РОД, 'действие', 'деятельность': *неудачно **выбрать** момент для*

выстрела <время для занятий спортом>;

Р3.2: чтобы + предложение: *Бойцы выбрали редкие минуты затишья, чтобы хоть немного поспать;*

Р3.3: и + ГЛАГОЛ: *выбрать момент и выстрелить;*

Р3.4: ГЛАГОЛ: *Выбери минутку, навести ее.*

Служебные зоны

Синонимы: *найти, выкроить* [*Найдете <выкроите> для меня минутку?*];

аналоги: *освободить; выждать* (*удобный момент и спросить*), *улучить*

(*минутку, чтобы поговорить*), *урвать* (*свободный вечерок*); конверсив:

найтись [*Если у вас найдется минутка, загляните ко мне ≈ Если выберите минутку, загляните ко мне*].

Категориальное представление идеи времени

А.В. Бондарко

1. Проблема языкового представления семантики времени необозрима. В данном докладе основное внимание сосредоточено лишь на одном вопросе - о системе категорий, отражающих разные стороны идеи времени. Эта система трактуется нами как аспектуально-темпоральный комплекс, включающий категории аспектуальности, временной локализованности, темпоральности, таксиса и временного порядка.

Исследуется семантика, выражаемая грамматическими формами и различными комбинациями равноуровневых языковых средств. Задача заключалась в том, чтобы описать категориальное представление идеи времени, отражающее как общие признаки временных категорий в их языковой интерпретации, так и специфические особенности выражения изучаемой семантики, обусловленные строем русского языка. Анализируя факты русского языка, мы стремились выявить и описать тончайшие оттенки языковой интерпретации семантики времени в конкретных типах и разновидностях употребления грамматических форм и других языковых средств.

2. Цель проводимого нами исследования заключается в том, чтобы интерпретировать языковое представление идеи времени на основе разрабатываемой нами теории функциональной грамматики. В рамках лингвистического анализа четко выражена его категориальная ориентация: речь идет о системе семантических категорий аспектуальности, временной локализованности, темпоральности, таксиса и временного порядка в их

языковом выражении (в комплексе функционально-семантических полей) и речевых репрезентациях (в соответствующих категориальных ситуациях).

3. Изучаемые категории рассматриваются с точки зрения тех проблем, которые представляются в настоящее время наиболее актуальными для функционально-грамматических исследований. Имеются в виду следующие проблемы:

- а) инварианты и прототипы в сфере грамматической семантики, соотношение прототипов (эталонов, „образцов“, в которых сосредоточены наиболее специфические признаки данной категории) и их окружения;
- б) стратификация семантики (разграничение и соотнесение различных уровней и аспектов изучаемого содержания), языковая интерпретация смысловой основы анализируемых значений - способы представления смысла, определяемые системой данного языка, его категориями и формами;
- в) система функционально-семантических полей и категориальных ситуаций (в данном случае речь идет прежде всего о полях и ситуациях, в семантике которых находят отражение различные стороны идеи времени);
- г) межкатегориальные связи; взаимодействие элементов изучаемой категориальной системы и ее окружения (среды).

4. Важное значение для рассматриваемой проблематики имеет вопрос о межкатегориальном взаимодействии. До сих пор основное внимание исследователей уделялось рассмотрению отдельных грамматических единиц, классов и категорий. В последнее время внимание к проблеме взаимосвязей

грамматических категорий усилилось. Наметившаяся тенденция приобретает статус особого направления исследований. Актуальность проблемы межкатегориальных связей определяется прежде всего тем фактом, что выражаемые в речи семантические комплексы всегда представляют собой результат взаимодействия нескольких категорий в определенных условиях, связанных с лексическими значениями словоформ, контекстом и речевой ситуацией. „Чистых“ грамматических значений, свободных в их реализации от межкатегориального взаимодействия, нет. Когда исследователи определяют грамматические значения, они всегда проводят „операцию отвлечения“ от тех или иных связей между данной категорией и другими категориями. Изучение взаимосвязей грамматических категорий должно быть соотнесено с теорией системных исследований, в частности, с анализом взаимодействия системных объектов, соотношения системы и среды, с проблемой координации моносистемного и полисистемного анализа.

5. Предлагаемая интерпретация системы временных категорий предполагает разграничение и соотнесение временного дейксиса (темпоральности) и временного порядка. Временной порядок трактуется нами как языковое представление „времени в событиях“. Имеется в виду „линия времени“ („временная ось“), репрезентируемая действиями разных типов, обозначениями моментов времени и интервалов. Семантика временного порядка включает динамичность „наступлений фактов“ (смены ситуаций) и статичность „длительностей“ (данных ситуаций) в сочетании с обозначением или импликацией интервалов между действиями. Как и другие семантические категории, временной порядок в его языковом выражении отражает взаимодействие планов парадигматики и синтагматики, однако особенность

временного порядка (как и таксиса) заключается в том, что в данном случае доминирует план синтагматики.

6. Приведем фрагмент анализа категории таксиса, дающий представление о направлении проводимого нами анализа языкового материала.

Термин „таксис“ в значительной степени условен. Пользующиеся им исследователи не ограничивают функции таксиса одним лишь обозначением одновременности / неодновременности - это лишь одна из функций данной категории, характеризующейся более сложной семантикой.

Таксис (речь идет о семантической категории и соответствующем поле) трактуется нами как выражаемая в полипредикативных конструкциях сопряженность действий во времени (в рамках единого временного плана), выступающая в следующих разновидностях:

- а) отношение одновременности / неодновременности (предшествования / следования),
- б) взаимосвязь действий (компонентов полипредикативного комплекса) при неактуализованности указанных выше хронологических отношений,
- в) связь действий во времени в сочетании с отношениями обусловленности (причинными, условными, уступительными) и другими дополнительными семантическими элементами.

Приведем примеры: (а) Пока мы усаживались, он перебирал бумаги (одновременность);- Как только закончу разговор с вами, доложу (К. Симонов) - последовательность; (б) Рассматривая эти вопросы, мы замечаем... - здесь существенно не хронологическое отношение одновременности двух действий, а значение сопряженности двух взаимосвязанных компонентов обозначаемой

ситуации; Мама вошла в подъезд дома..., приказав мне ждать (Ю. Нагибин) - собственно хронологические отношения здесь четко не выражены, по существу они не существенны для смысла высказывания: важна сопряженность обоих действий (двух компонентов полипредикативного комплекса) в едином временном плане; в) Осознав это, он изменил свое решение (отношение предшествования / следования сопряжено с отношением причины и следствия); Осознав это, он все же не изменил своего решения (таксисные отношения сопряжены с элементом уступительности).

В данном выше определении семантики таксиса „сопряженность действий во времени“ рассматривается как инвариант, выступающий в различных вариантах с указанными выше признаками.

Указанные разновидности анализируемого значения всегда выступают в сочетании с аспектуальной характеристикой действий. По существу речь всегда идет об аспектуально-таксисных отношениях.

Зависимый и независимый таксис - это два типа семантики сопряженности действий во времени и соответствующих синтаксических структур (полипредикативных конструкций), выделяемые по признаку наличия / отсутствия отношения „основной - зависимый предикат“. Ср. (а) Открыв ящик стола, он вынул папку; (б) Он открыл ящик стола и вынул папку. Таким образом, понятие „таксис“ охватывает два типа сопряженности действий во времени в рамках полипредикативного комплекса:

- 1) сопряженность основного и зависимого предиката (зависимый таксис, представленный в деспричастных, причастных и некоторых других конструкциях, включающих сочетание основной и зависимой предикации);

2) сопряженность двух и более „равноправных“ предикатов (независимый таксис в конструкциях с однородными сказуемыми, в сложносочиненных предложениях и в сложноподчиненных предложениях разных типов - с придаточным времени, условия, уступки, с придаточным изъяснительным).

Приведенное выше определение таксиса содержит ограничение, связанное с отнесенностью действий к одному и тому же временному плану (прошлого, настоящего или будущего). Необходимым условием для констатации таксисного отношения является единство временного плана, целостность временного периода. Введение данного ограничения означает, что таксис - отнюдь не любое временное соотношение действий.

Прежде чем говорить о временных связях между действиями, необходимо определить, где, в какой сфере, в каких общих рамках (с точки зрения отношения к моменту речи) они устанавливаются. Если такой временной рамки нет, то нет и основы для констатации таксисных отношений. Например: Раньше и я так думал, а теперь не верю им. Здесь налицо не таксисная, а темпоральная ситуация, основанная на контрасте планов прошедшего и настоящего времени.

Само понятие сопряженности действий во времени предполагает наличие целостной и гомогенной „временной рамки“, в пределах которой устанавливаются рассматриваемые связи. Например: Стукнули ворота, и Нюшка сама объявилась на пороге (В. Белов).

Признак единства временного плана (целостности временного периода) находит проявление в том, что при независимом таксисе компоненты таксисного отношения чаще всего выражаются формами одного и того же

времени. Вместе с тем формы времени могут быть разными; если, однако, они выражают действия, имеющие денотативную отнесенность к одному и тому же временному плану (настоящего, прошлого или будущего), то это обеспечивает временную целостность и однородность как основание отношений таксиса. Ср., например, отнесенность действий к денотативному плану прошлого при сочетании форм прошедшего и настоящего времени (в функции настоящего исторического): - Подошел поближе и вижу...

В высказываниях с деепричастиями единство временного плана является одним из аспектов сопряженности основного и сопутствующего действия. Это единство сохраняется и в тех случаях, когда действия отделены друг от друга значительным временным интервалом: Восприняв в детстве эти навыки, он и к концу жизни не утратил их. Временной план в данном случае охватывает широкий период времени от детства до конца жизни.

Понятие единства временного плана (целостности временного периода) включает однородность действий с точки зрения их конкретности / неконкретности (узуальности, типичности, вневременности). Все обозначаемые действия должны быть либо конкретными, либо неконкретными (в указанном смысле). Ср. высказывания типа Он ел, как едят усталые люди. Здесь соотнесены разные ситуации: конкретная и неконкретная (узуальная). Они не образуют единого временного плана, поэтому в данном случае нет оснований констатировать между действиями отношение таксиса.

При рассмотрении ограничений, необходимых при определении понятия таксиса, необходимо учитывать не только семантические, но и структурные факторы. Речь идет об ограничении, связанном с рамками полипредикативных конструкций. Таксисные отношения выражаются в высказываниях,

представляющих собой речевую реализацию предложения или сверхфразового единства (сложного синтаксического целого). В соответствующих синтаксических структурах находит отражение целостность предикативного комплекса, в рамках которого устанавливаются таксисные отношения. Временные отношения между действиями (например, при обозначении цепи последовательных действий), охватывающие более широкие фрагменты текста и даже текст в целом (ср., например, основной текст повествования), трактуются нами в рамках категории временного порядка.

Временная однородность (тождество временного плана) в пределах целостного периода, охватывающего комплекс действий, с одной стороны, и рамки высказывания с внутренней структурно-синтаксической целостностью, с другой - это разные условия реализации таксисных отношений, но между ними есть внутренняя связь: то и другое включается в характеристику целостности предикативного комплекса, внутри которого выявляются временные соотношения его компонентов.

Osobní zájmena v textu

Fr. Daneš

Při studiu užívání osobních zájmen v textu je zapotřebí věnovat pozornost především těmto aspektům: (1) konkurenci mezi zájmeny a substantivními názvy, (2) textovým funkcím zájmen, (3) existenci tzv. nulových zájmen v jazycích s neobligatorním vyjádřením subjektu, spolu s rolí flektivních morfémů verba finita.

1. Zájmena se většinou chápou jako substituty jmen. Toto chápání je však spojeno s dvěma problémy. Za prvé v jistých kontextech se zájmeno nejvíce jako substitut (tj. jako něco derivovaného, sekundárního). Existují případy, nikterak výjimečné, kdy je např. hrdina nějakého vyprávění napřed uveden zájmenem (popř. nulovým) a "substituovaná" jmenná fráze se objeví v textu poměrně nebo i velmi pozdě. A najdou se i rozsáhlejší textové pasáže, v nichž jsou subjekty diskurzu identifikovány výlučně zájmeny (a zároveň ovšem celým kontextem).

Druhý problém je mnohem významnější. Substituční charakter totiž rozhodně nelze připsat zájmenům 1. a 2. osoby. Nemají co substituovat, mají charakter exoforický, jde o situační deixi a nejde tu tedy o pronominalizaci. - Tato zájmena bývají dále charakterizována jako "bezrodá". Je jistě pravda, že nemají morfologické alternanty pro rodové rozdíly (ať už gramatické nebo "přirozené"). Přesto však existují dva jevy, které nás vedou k tomu, abychom tento předpoklad modifikovali. Jednak jde o konstrukce, v nichž je zájmeno rozvíjeno substantivem ("My dívky jsme jen pomáhaly", "Já, který jsem nejlepší herec dneška"). A za druhé

v jazycích vyjadřujících rodovou kongruenci u adjektiv a participií je mluvčí/adresát jednoznačně rodově charakterizován (*Já jediná, Ty jsi mi to neřekl*).

2. Gramatické termíny "nulové zájmeno" nebo "elize subjektu" vycházejí z předpokladu, že explicitní slovní vyjádření subjektu je případ primární, základní - avšak to je pravda jen z hlediska jazyků s obligatorně vyjadřovaným subjektem. Pokud jde o češtinu, je tedy třeba zkoumat motivy prezence, respektive absence pronominálního subjektu. Tuto situaci - pokud jde o 3. os. - dobře ilustruje srovnání fragmentu české verze jedné novely M. Kundery s jeho francouzským překladem: Zatímco ve fr. verzi se zájm. *elle* objevuje 10krát, ve znění čes. se ekvivalent *ona* neobjevuje vůbec. Motivaci této absence lze spatřovat v tematické kontinuitě a v kontinuitě subjektu. Jde ovšem jen o tendenci. (Srov. Estvan 1991.) Protože tu jde o zájmený tvar endoforický, lze chápat tyto případy s "nulou" jako sekundární. (Poměr k vyjádření substantivnímu tu nechávám stranou.)

V protikladu k tomu u exoforických zájmen 1. a 2. os. jeví se jejich užití jako sekundární a příznakové: užije se jich jen tehdy, když má mluvčí nějaký dobrý důvod dát jim přednost před bezpříznakovou "nulou". To nepřekvapuje, protože v dialogu (vlastní doméně obou zájmen) je mluvčí i posluchač zřejmý. - Celkově se ukazuje, že volba užití/neužití zájmen 1. a 2. os. je motivována několika vzájemně interagujícími faktory. Nejsilnějšími z nich jsou aktuální členění výpovědi (FSP) a gramatická struktura věty. Dále pak některé aspekty modální, postoje mluvčího, emfáze, citové vzrušení nebo expresivita, rytmus a zřetele stylistické. (Srov. knižní studii Ludmily Zimové, 1996)

Ukazuje se, že široká konkurence mezi zájmeny 1. a 2. os. na jedné straně a "nulovými zájmeny" na straně druhé představuje pružný a jemný instrument pro

odstíněnou výstavbu dialogu. (Tento jev lze dobře sledovat i v uměleckých dílech, zejména v dramatech.)

3. Existuje řada jazyků s více, anebo méně neobligatorně vyjadřovaným subjektem, a tedy i s výše diskutovanou konkurencí. Kontrastivní srovnávání oněch jazyků by mohlo být zajímavé, bohužel však konkrétní gramatické popisy těchto jazyků přinášejí o tomto jevu spíše jen všeobecné informace. Existují však některé speciální, detailní studie o něm.

V oblasti jazyků slovanských je k dispozici kromě monografie L. Zimové především několik pojednání o ruštině. Nadto pak Přemysl Adamec a po něm Daša Brčáková publikovali řadu studií věnovaných porovnání ruštiny s češtinou. P. Adamec (1959) zjistil, že v ruštině je spojení osobního zájmena s verbem finitem mnohem těsnější než v češtině a že tendence užít zájmeno je mnohem silnější. Působením některých faktorů morfologických (především nepřítomností prezentních forem slovesa *быť*) je v ruštině výskyt zájmen nesrovnatelně častější než v češtině. Ve starších ruských gramatikách se dokonce uvádělo, že užití těchto zájmen patří k normě. Později však V. V. Vinogradov konstatoval, že v hovorové řeči jsou věty bez zájmen přinejmenším stejně časté jako se zájmenem. Obdobně se vyslovuje i pražská "Russkaja grammatika" (1979): vynechávání zájmena v pozici podmětu v ruštině existuje, je však omezeno na hovorovou řeč.

4. Mohl jsem zde uvést jen některé základní poznatky a upozornit na to, že toto zajímavé, nesnadné a dosud neúplně zpracované téma si zasluhuje podrobné zpracování, založené na obsáhlém materialu jazykových projevů psaných i mluvených.

Grammatical Gaps and Lexical Gaps - Aspect and the Lexicon in Macedonian

V. A. Friedman

From a typological point of view, Russian and Macedonian are arguably at opposite ends of the Slavic aspectual continuum, although in certain specific features Bulgarian surpasses Macedonian in its differentiation from Russian (e.g. in its preservation of the imperfective aorist; cf. Friedman 1993). In this paper, I examine three systematic grammatical differences between Russian and Balkan Slavic aspect impacting on non-corresponding usages as well as problematic lexical phenomena.

1. Macedonian is unique among the Slavic languages in having developed an active perfect construction using the verb 'be' and the old past passive participle, e.g. *jadan sum* 'I have eaten' (literally 'I am eaten'). The model appears to be Balkan Romance (see Gołab 1984:135), although in popular perception Albanian is also implicated (Hendriks 1976:225-26). This construction, however, is limited syntactically (definite direct objects are excluded) and semantically (it is used primarily with verbs of motion and eating, although some others are also acceptable, e.g. *pee* 'sing', *spie* 'sleep'). Moreover, it is quite differently represented in the literary language and in the dialects whence it originated. Thus, for example, a dialectal sentence such as *toj ne je den ispit ušte* 'he didn't take the exam yet' (Hendriks:226) is unacceptable to educated speakers from southwestern Macedonia either as standard or as colloquial at the local level. On the other hand, we have a gradient of acceptability in the following sentences: *konjite se napieni voda* [best] - *konjite se pieni voda* [OK] - **konjite se pieni/napieni vodata*. In general, these constructions are most common and acceptable with perfective or biaspectual intransitive verbs.

Next in the order of acceptability are perfective transitives with an indefinite object followed by imperfective transitives with an indefinite object. Definite direct objects appear to be unacceptable in such constructions. As such, they are in complementary distribution with the use of intransitives as causatives, which require definite (and hence reduplicated) direct objects, e.g. *go spijam deteto* 'I put the child to sleep', *go umram chovekot* 'I kill the person' but **spijam dete*, **umram chovek*. Cf. also the following differences involving time reference: *Jas ne sum napien pivo* 'I have drunk beer' with a specific reference such as *sega* 'now' is completely acceptable, whereas with an indefinite time reference such as *nikogash* 'never' it sounds strange. Moreover, there is also a sense that these constructions are inappropriate with verbs perceived as high-style literary. Thus for example, *chuknati sme* 'we have toasted' (literally 'we a clinked') is acceptable but *nazdraveni sme* (describing the same act but with the participle from the literary verb meaning 'toast one's health') is perceived as weird. The construction thus presents problems for syntactic and lexical classification.

2. The increased productivity of the imperfectivizing suffix {-uva} in Macedonian alongside the widespread retention of older imperfectivizing {-a} is leading to a new sub-aspectual distinction (concrete accomplishment by Humphries 1997), whose interpretation is sometimes influenced by the existence of marked status categories that developed out of the opposition between the old perfect and the synthetic past tenses. The existence of this sub-aspectual distinction presents problems for classifications such as Chung and Timberlake's (1985) four-way distinction based on the intersecting oppositions open/closed and dynamic/nondynamic: E.g., Imperfectives *gleda* 'watch' (state=open+nondynamic) and *bara* 'seek' (atelic process=open+dynamic) versus perfectives *zagleda* 'notice'

(change of state=closed+nondynamic), *najde* 'find' (telic process=closed+dynamic). Macedonian {-uva} appears to combine telicity and openness, i.e. a telicized imperfective, which is not accounted for in this schema. As a result, Russian perfectives will sometimes correspond to Macedonian telicized imperfectives, as in the following example (from Humphries 1997, #65): [Macedonian] *Vo mrakot go izvadi nozhot od nozhnicata, i prefrlujvajkji ja seta tezhina od ribata na levoto ramo, se navedna nazad i na rabot od chunot go preseche jazheto* = [Russian] *V temnote on vyprostal iz futljara svoj nozh i, perenesja vsju tjazhest' ryby na levoe plecho, otkinulsja nazad i pererezal lesu na planshire* (English original 'In the darkness he loosened his sheath knife and taking all the strain of the fish on his left shoulder he leaned back and cut the line against the wood of the gunwale'. Consider also the following example from Humphries (1997, #115), in which {-uva} has the meaning of an on-going present (i.e., the opposite of an iterative), with a resulting sense of 'witnessed' for native speakers: *Pak se izgubiv. ... A gledaj na Aleksandra! Nea nishto ne e smeta. Taa sekogash odlichno se snaogja vo nepoznati gradovi. Taka i tuka se snajdova besprekorno.* 'I got lost again. ... But look at Aleksandra! Nothing bothers her. She always gets around well in unfamiliar cities. So she's finding her way around perfectly even here. Similarly in Humphries (1997, #239): *Vchera deteto ja rasfrlashe/rasfrlujvashe sobata* 'Yesterday the child was messing up the room' the result of the 'actuality' of the form in {-uva} is that it gives the sense that the action was witnessed, whereas the form in {-a} implies vouched-for but not witnessed. In Humphries (1997 #321): *Chuv deka Predsedatelot se opravuvaval/opraval od povredite!* 'I heard that the President has been recovering from the injuries!' The form in {-uva} has the effect of an admirative, while that in {-a} has a dubitative effect.

3. Both Bulgarian and Macedonian make use of the opposition between the old perfect and the aorist to render effects that in Russian are rendered by means of the opposition perfective/imperfective. Thus, for example, the connection between negation and aspect (imperfectivity) in Russian is replaced to some extent in Balkan Slavic by manipulations of status as in the following example from Aleko Konstantinov's *Baj Ganjo*, in which Bulgarian and Macedonian keep perfective aspect but render the denial that anything occurred by switching from the aorist to the perfect, while Russian renders the effect with a negated imperfective (cf. Sell 1994 #248): [Bulgarian] *I v tova vreme edin negoduvasht pisu'k oglushi cjaloto zavedenie... —Kakvo stana baj Gan'o, ti li e napravi neshto?— izvixax az trevozhno i su'rdito. —Ne su'm be, brate, kakvo su'm i napravil!— otgovori spleteno baj Gan'o s raztreperan glas.* = [Macedonian] *a vo toj moment eden protesten pisok ja zaglushi celata slatkarnica... — Shto stana, baj Ganjo, da ne e napravi ti neshto - viknav jas trevozhno i luto. -- Ne be brate, shto sum e storil - odgovori spletkano baj Ganjo, so rastreperen glas.* = [Russian] *Kak vdrug na vsju komnatu razdaetsja krik negodovanija. —Chto takoe, baj Ganju? Eto ty ej chto-nibud' sdela!— trevozhno i serdito voskliknul ja. —Nichego ja ne delal, bratec, ej-bogu, nichego,— drozhashchim golosom sbivchivo oivetil baj Ganju.* 'And just then an indignant cry deafened the entire establishment. "What's going on, Baj Ganjo? Did you do something to her?" I exclaimed troubled and angrily. "I did nothing, brother, nothing!" Baj Ganjo answered contradictorily in a trembling voice.'

In Friedman (1996), I argued that the rise of resultativity and status in Macedonian have encouraged superordinate aspect to take on greater significance than both subordinate aspect and taxis. As a result some types of encoding of temporal differences that are morphologically marked in Bulgarian are discourse

bound in Macedonian. Moreover, I noted that Bulgarian makes far more use of the old pluperfect than Macedonian, which generally substitutes a non-taxic past according to aspect -- aorist for the perfective, imperfect for the imperfective. Together, these phenomena point to a new encoding of temporality *sensu largo* in Macedonian. Related to these developments is the complete paradigmaticization of *ima*-perfect in Macedonian as opposed to the situation in Bulgarian, where it is restricted to transitive verbs with animate or human subjects and has obligatory agreement if there is an expressed object. The present discussion contributes to the picture of Macedonian as increasingly differentiated from the rest of Slavic in its grammatical development in part as a result of contact (active 'be' perfects with the old past passive participle), but also in part owing to the generalization of native material (the increasing generalization of {-uva}, which itself, however, could have been encouraged by the tendency to generalize salient morphemes in contact situations). Both of these phenomena have impact on the representation of aspect in the lexicon and the question of which features must be lexically specified. At the same time accounts of aspect based on Russian are shown to need some significant modification in order to be applicable to Balkan Slavic due to the presence of both status and resultativity.

References

Chung, Sandra, and Alan Timberlake. 1985. Tense, Aspect, and Mood. *Language Typology and Syntactic Field Description, vol. 3: Grammatical Categories and the Lexicon*, ed. by Timothy Shopen, 202-58. Cambridge: Cambridge University Press.

Gołąb, Zbigniew. 1984. *The Arumanian Dialect of Krushevo in SR Macedonia, SFR Yugoslavia*. Skopje: Macedonian Academy of Arts and Sciences.

Friedman, Victor A. 1993. The Loss of the Imperfective Aorist in Macedonian: Structural Significance and Balkan Context. *American Contributions to the Eleventh International Congress of Slavists*, ed. by Robert A. MacGuire and Alan Timberlake, 285-302. Columbus: Slavica.

Friedman, Victor A. 1996. O diferenciacii temporal'nosti i aspektual'nosti v bolgarskom i makedonskom jazykach [Russian: On the differentiation of temporality and aspectuality in Bulgarian and Macedonian]. *Voprosy jazykoznanija*. 1996(1).116-24

Hendriks, Peter. 1976. *The Radozhda-Vevchani Dialect of Macedonian*. Lisse: Peter de Ridder Press.

Humphries, J. Daniel. 1997. The Morphology and Semantics of Doublet Derived Imperfective Verbs in Modern Standard Macedonian. Ph. D. dissertation. University of Chicago.

Sell, George J. 1994. A Comparison of Verbal Aspect in Russian and Bulgarian. Ph. D. dissertation. University of North Carolina, Chapel Hill.

Monosemia a polisemia przyimków w opisie leksykograficznym

M. Grochowski

Przyimki (a) same konstytuują jednostki języka (przyimkowe jednostki języka - dalej PJJ) rządzące formą gramatyczną przypadku innych jednostek, które reprezentują klasę substytucyjną niezamkniętą pod względem formalnym i funkcjonalnym; (b) są częściami innych, co najmniej dwusegmentowych, jednostek języka.

Bezpośredni kontekst PJJ (zarówno prawostronny, jak i inny niż obligatoryjnie prawostronny) - w przeciwieństwie do bezpośredniego kontekstu przyimka jako części innej jednostki - jest wielkością zmienną. Niezależnej charakterystyce semantycznej w słowniku - w artykułach hasłowych wprowadzanych przez hasła przyimkowe - podlegają wyłącznie PJJ.

Charakterystyka przyimków w słownikach jednojęzycznych ogólnych dotyczy różnych właściwości, a przede wszystkim funkcji frazy przyimkowej w wypowiedzeniu, odniesienia frazy do pozajęzykowych stanów rzeczy, składniowych i leksykalno-semantycznych ograniczeń kontekstu przyimka, sposobu jego użycia. Opis tych właściwości, jest na ogół prezentowany globalnie i traktowany w praktyce leksykograficznej (przymajmniej implicite) jako szeroko rozumiana charakterystyka semantyczna przyimka. Dość rozpowszechniona jest opinia (potwierdzają ją liczne artykuły słownikowe dotyczące hasel przyimkowych), że przyimki są polisemiczne.

W referacie podejmuje się próbę uzasadnienia hipotezy przeciwnej. PJJ są z reguły monosemiczne. Teoretycznie dopuszczalną polisemię danej PJJ można

zaakceptować tylko wtedy, gdy nie powiedzie się próba redukcji hipotetycznych n znaczeń do jednego.

W celu uzasadnienia postawionej hipotezy ogólnej przyjmuje się (1) wąskie rozumienie znaczenia jako tego, co dana PJJ komunikuje (w opozycji do innych PJJ), (2) konieczność wyłączenia z opisu semantycznego PJJ wszelkich indywidualnych asocjacji wynikających z potencjalnych odniesień PJJ (i frazy wprowadzanej przez PJJ) do świata pozajęzykowego, (3) konieczność dekompozycji znaczenia PJJ na ciąg jednostek (semantycznie) prostszych, (4) możliwość oddzielenia znaczenia PJJ od znaczenia jej kontekstu, zwłaszcza składników frazy nominalnej wprowadzanej przez PJJ, (5) konieczność rozłącznego opisu znaczenia i innych właściwości (np. formalnych i funkcjonalnych) PJJ.

Postawiona hipoteza będzie w referacie rozważana szczegółowo z punktu widzenia przyjętych założeń metodologicznych, na podstawie analizy wybranych przyimków współczesnego języka polskiego.

Konstrukcje z *się*, a jednostki leksykalne z elementem *się* we współczesnej polszczyźnie

R. Grzegorzczkova

I. W opisie polszczyzny konstrukcje z *się* (a także jednostki zawierające element *się*) stanowią punkt nie do końca wyjaśniony mimo ogromnej literatury na ten temat (por. m.in. Saloni 1975, Bogusławski 1977, Wilczewska 1969, Grzegorzczkova 1982, 1990, Laskowski 1984, 1987). Trudność polega na tym, że różnorodność funkcyjna tych konstrukcji, a także różny stopień regularności ich tworzenia sytuują je bądź w obrębie gramatyki (fleksji i składni), bądź w obrębie leksyki. Możliwość tworzenia konstrukcji z *się* zależy w znacznym stopniu od cech semantycznych czasowników.

Zadaniem tego referatu jest próba oddzielenia konstrukcji składniowych od jednostek leksykalnych, a także zarysowanie znaczeń przekazywanych przez jednostki z *się*.

II. Konstrukcje składniowe z *się*, tworzone regularnie, choć oczywiście z wieloma ograniczeniami, to:

1. Konstrukcje nieosobowe (z nieokreślonym agensem) typu: *mówi się* (*mówito się*), *pracuje się*, tworzone bez ograniczeń od predykatów odnoszonych do osób, np. *Jest się człowiekiem*, *Pisze się o tym*, ale dziwne: **Jest się krową* (chyba w bajce), **Liczyło się wiele pokoi* (o mieszkaniu).
2. Konstrukcje mimowolnego stanu (z agensem w celowniku): *Pisze mi się łatwo*, *Czyta mi się przyjemnie*, zawężone do czasowników czynnościowych, np. niemożliwe **Umie (zna) mi się dobrze*.

3. Konstrukcje biernie wysuwające obiekt na wyróżnione miejsce i blokujące agensa, np. *Książka czyta się przyjemnie*, *Sok się wypił*, *Przeszkoda ominęła się*. Konstrukcje te są niemożliwe przy obiekcie ożywionym: *Dziekan wezwał studenta* → **Student wezwał się*.
4. Konstrukcje zwrotne sensu stricto (przy koreferencji agensa i obiektu) zawężone do czynności, które mogą być wykonywane na sobie samym (*Chłopiec umył się*, *uczesał się* itp).
5. Konstrukcje wzajemnościowe, nierozdzielne od punktu 4., np. *Chłopcy myją się*, *kopią się*, *biją się* itp.

Pozostałe połączenia z *się* należą do leksyki, a sam sposób derywowania ma charakter słowotwórczy.

III. Leksemy zawierające element *się*, to:

- 1⁰ reflexiva tantum z niewydziałalnym *się* (typ *bać się*, *modlić się*), spośród których część stanowi podstawy dalszych derywatów kauzatywnych tworzonych deponifiksalnie (*cieszyć się* → *cieszyć*), oraz
- 2⁰ derywaty tworzone postfiksem *się*, pozostające względem swoich podstaw w bliższej lub dalszej relacji semantycznej. Ten drugi typ obejmuje czasowniki wyrażające następujące relacje semantyczne:
 1. czynności wykonywane na przedmiotach związanych z subjektem (dzierżwczność w szerokim sensie, np. *spakować się*, *budować się na wsi*),
 2. czynności dotyczące ciała subiekta: *pochylić się*, *posunąć się*,
 3. czynności i procesy mimowolne, np. *przewrócić się*,

4. czynności i stany charakteryzujące subiekta, np. *znać się na czymś, nosić się jakoś*,
5. stany powstałe w subiekcie jako rezultat jego własnej czynności, np. *naczytać się, wybiegać się*,
6. czynności pozostające w różnorodnych relacjach semantycznych względem podstaw, np. *bić coś (kogoś) → bić się z kimś (o coś) 'walczyć', odwołać coś → odwołać się do czegoś*.

Cytowana literatura

- Bogusławski A., 1977, Polskie *się* - słowo nie do końca poznane, *International Review of Slavic Linguistics*, 2,
- Grzegorzczkova R., 1982, Regularność i nieregularność w tworzeniu konstrukcji zwrotnych, *Prace Filologiczne* 31,
- Grzegorzczkova R., 1990, Jeszcze o bezosobowych konstrukcjach z *się*, *Prace Filologiczne* 35,
- Laskowski R., 1984, Fleksja (w:) *Gramatyka współczesnego języka polskiego*, Warszawa,
- Laskowski R., 1987, Kategoria strony w języku polskim (w:) *Prilozi XII, 2*, Makedonska Akademija na Naukite i Umetnostite, Skopje,
- Saloni Z., 1975, W sprawie *się*, *Język Polski* 55,
- Wilczewska K., 1966, *Czasowniki zwrotne we współczesnej polszczyźnie*, Toruń.

Ordering of Valency Slots in Lexical Entries

E. Hajičová

It is matter of a more or less general agreement nowadays that some kind of information on the valency of individual lexical units is an inevitable component part of a lexical entry in the lexicon, be it in an traditional form of a (printed, or CD-ROM) dictionary or in a modern electronic form of some sort of a database designed to serve various applicational purposes. In our contribution, we will concentrate on an additional important information the valency frames can provide and encode, namely the so-called systemic ordering underlying a rather strong hypothesis about the (deep) ordering of the complementations of the verb in the focus part of the sentence, and illustrate the appropriateness and usefulness of such an information for (i) a procedure generating sentences and (ii) a procedure identifying the topic-focus articulation of sentences.

Tzv. totální kvalifikátory v češtině

M. Hirschová

Jako totální kvalifikátory (TQ) označujeme výrazy determinující adjektivum, verbum nebo adverbium, tj. syntaktická adverbia. Tradičně jsou charakterizovány jako adverbia vyjadřující kvantitu nebo rozsah.

Nejvýznačnějším sémantickým rysem TQ je, že k základnímu významu slovesa nebo adjektiva, s nímž se pojí, přidávají význam totálnosti / celosti / úplnosti a že tento význam totálnosti zahrnuje jak totální přítomnost nebo manifestaci, tak totální absenci. Srov. např. zcela / úplně nové šaty, naprosto zničené auto, veskrze originální idea, já ho vůbec neznám, on nás dokonale podvedl, tohle já naprosto nechápu, nic se neboj apod. TQ vyjadřuje, že „symptom“, v podobných konstrukcích zasahuje entitu (jméno), k níž je vztážen jako atribut nebo již je predikován, v úplnosti, totálně. TQ může také vyjadřovat, že symptom se příslušné entity v žádném ohledu netýká.

Kromě této základní funkce vyjadřují některé TQ také evaluaci ze strany podavatele výpovědi. Jestliže říkám, že to je dokonale čisté, on dokonale umyl auto, vyjadřují tím nejen skutečnost, že něco je úplně / totálně čisté (podle mého názoru), ale také že tuto skutečnost pozitivně hodnotím. Tento významový odstín se uplatňuje při vyjádření ironie nebo sarkasmu v těch případech, kdy se TQ spojují se symptomy, které běžně pozitivní hodnocení vylučují: on naprosto / dokonale zblbl, řečník dokonale blábolil.

Mezi českými TQ je rozdíl v tom, že některé jsou použitelné v podstatě univerzálně (vůbec, zcela, úplně, naprosto), jiné se vyznačují stylovými nebo

kombinatorickými vlastnostmi, které jejich použitelnost omezují.

Mnohé TQ jsou jednoznačně odvozeny od adjektiv s velmi blízkým nebo ekvivalentním významem. Syntaktické konstrukce, v nichž se vyskytují, jsou často ve vzájemných transformačních vztazích: úplně zničil auto - úplně zničení auta - úplně zničené auto. Obecně lze říci, že TQ a příbuzná adjektiva patří k prostředkům vyjadřujícím v češtině význam celosti / úplnosti / totálnosti. K těmto prostředkům patří také slovesný vid, resp. zejména perfektivnost. Řekneme-li on úplně zničil (to / každé) auto, jde o „totálnost“, naproti tomu věta on úplně ničil (to / každé) auto, znamená to pouze, že s autem zacházel nevhodným způsobem. Tyto rozdíly nabývají na důležitosti zvláště při překladu z češtiny do jiných jazyků.

K popisu TQ a jim odpovídajících adjektiv je nutné připojit i zjištění, v jakých syntaktických pozicích se mohou vyskytovat, tj. zda mohou být jak adverbialním určením u atributu, tak u predikátu. Ukázalo se, že pouze úplně/úplný a dokonale/dokonalý fungují v podstatě stejně jako dvojice typu dobře/dobry. Mohou být rovněž stupňovány. Dvojice naprosto/naprostý rovněž funguje bez omezení, ale nestupňuje se.

Pokud jde o ostatní TQ, vůbec nemají adjektivní protějšek, zcela, docela, cele sice etymologicky souvisejí s celý, avšak jen výjimečně fungují jako výše zmíněné dvojice, např. je cele oddán vědě - oddal se vědě celý. Adjektivním protějškem nic je žádný (nic se neboj - žádný strach). Nadobro rovněž nemá adjektivní protějšek. Pokud jde o čisté, načisto, jsou sice odvozeny od čistý, avšak toto adjektivum je sémanticky odlišné. (S jedinou výjimkou: to je čistá lež, avšak tento příklad není obecně přijatelný.) Máme pár vyloženě - vyložený: on vyloženě lže - to je vyložená lež. Zde však adjektivum

nemůže stát v pozici predikátu. Stejná je situace u převážně - převážný: převážně souhlasili - převážný souhlas. Další TQ (veskrze, skrz, venkoncem, vesměs) žádné přímé adjektivní protějšky nemají.

Dále jsou mezi TQ rozdíly v konektibilitě. Jde jednak o to, s jakými slovními druhy se TQ spojují, jednak o případná omezení sémantická. Vůbec (ve významu „zcela,“) a nic jakožto adverbium se spojují jen se slovesy (já ho vůbec neznám, on vůbec nezatelefonoval, nic se neboj). Na druhé straně veskrze, skrz, venkoncem se spojují jen s adjektivy nebo adverbii. Ostatní výrazy žádná podobná omezení nemají. Pokud jde o omezení sémantická, úplně, naprosto, zcela a některé další se spojují s adjektivy, jejichž význam je nespecifikovaný nebo obecně negativní: úplně / naprosto / zcela / vyloženě / veskrze nový, prázdňý, mokrý, špatný, zlý, zkažený. Nespojují se s adjektivy, jejichž význam zahrnuje pozitivní hodnocení. Nemůžeme říci „úplně / naprosto / zcela krásný, skvělý, úspěšný“. (Můžeme však říci to je naprostý úspěch.) Dokonale, jehož význam implikuje pozitivní hodnocení, se naproti tomu vyskytuje jak ve spojeních dokonale krásný, dokonale úspěšný, tak i dokonale zkažený, špatný.

Některá z uvedených omezení se zdají napovídat, že většina z TQ má blíže k vyjadřování subjektivního hodnocení než k objektivnímu popisu. „Kvalifikace,“ kterou totální kvalifikátory vyjadřují, je vždy vztahena k jiné kvalifikaci a obvykle závisí na pochopení nebo hodnocení příslušného jevu podavatelem výpovědi. Specifický vztah TQ ke slovesnému vidu ukazuje, že význam úplnosti / totálnosti se vyjadřuje prostředky různého řádu. Toto zjištění má význam zejména při překládání.

Лексические и синтаксические средства передачи косвенного источника информации в русском тексте¹

Н. А. Козинцева

Как известно, категория косвенной засвидетельствованности как грамматическое явление представлена в ряде славянских языков, в частности в языках балканского ареала, которые наиболее изучены в этом плане, см. (Friedman 1979) и др. работы. В смысловую область значений этой категории, например, в болгарском языке, входят такие значения (можно назвать их субкатегориями), как пересказывательность (передача информации с чужих слов), инференция (логический вывод по наличным признакам) и адмиративность (констатация ситуации как неожиданно обнаруженной в момент речи). При переходе к материалу других славянских языков, например, русского, оказывается, что грамматических форм, совмещающих три указанных значения нет. Они передаются разными средствами, не сводимыми в одну категорию.

Цель настоящего сообщения - обзор средств выражения субкатегорий косвенной засвидетельствованности в русском языке.

В русском языке существуют разные способы передачи чужой речи: 1) прямая речь (цитация), слова другого передаются так, как они были высказаны - без преобразования дейктических слов и экспрессивных выражений; 2) полупрямая речь, с непоследовательным преобразованием дейктических слов и экспрессивных выражений; 3) косвенная речь,

¹ Данное исследование проводится в рамках темы "Категория засвидетельствованности в языках различных типов" (проект № 96-04-06071, поддерживаемый РФНФ).

включающая полное преобразование дейктических слов и экспрессивных выражений. Существует принципиальная разница между языками с грамматической категорией косвенной засвидетельствованности и русским языком. Например, в болгарском языке, как и других языках этого ареала, слова, принадлежащие другому, могут быть выражены говорящим без специальной ссылки на источник. Факт сообщения выражен вместе с сообщаемым фактом одной глагольной формой. При передаче чужой речи в русском языке факт сообщения маркируется отдельно от сообщаемого факта рядом разных формальных средств: 1) сложными предложениями с изъяснительными отношениями; 2) конструкциями с модальными речевыми частицами *мол, дескать, де, якобы*; 3) конструкциями с вводными словами; 4) связными конструкциями с квазипассивными глаголами.

В качестве вводных слов в русском языке выступают слова, указывающие на источник информации. Это могут быть: а) предложно-именные обороты типа *по словам Петровой, по мнению М. М., по слухам* и т.п., б) оборот с предлогом *судя по*, восходящим к деепричастию: *Судя по прогнозу, сегодня дожда не будет*; в) наречия, образованные от местоимений *по-моему, по-твоему, по-нашему, по-вашему*.

Вводные предложения содержат глагол речи, мысли, восприятия и вводятся союзом *как*: *как полагают, как говорят, как оказалось, как известно*, и т.д. или бессоюзно: *говорят, кажется*. По своей структуре это односоставные предложения: неопределенноличные: *как полагают, как говорят, утверждают, сообщают*; безличные: *кажется, как оказалось, как известно*. В русском языке частицы *мол, де, дескать* с вводными словами не сочетаются, а частица *якобы* возможна.

Выделяются следующие типы источников информации и соответственно их оформления: 1) конкретное определенное лицо, или печатный орган, который может быть назван прямо; 2) конкретный, но неопределенный источник; 3) общепринятое мнение (такой источник обычно скрывается за некоторым обобщенным множеством лиц, не названных, но подразумеваемых грамматической структурой предложения).

Можно выделить два типа высказываний по "авторству": 1) высказываемое суждение не имеет однозначной привязки к говорящему - возможны вопросы "Кто это сказал? Кто так думает? Откуда ты знаешь?", например: *До окончания льготной подписки осталось несколько дней*; 2) высказываемое суждение однозначно приписывается говорящему (вопросы "Кто это сказал? Кто так думает? Откуда ты знаешь?" неуместны). К таким суждениям принадлежат оценочные высказывания, типа *Этот фильм хороший*.

Если эта оценка исходит не от самого говорящего, то введение квазипассивного глагола-сказуемого или вводного *кажется* является обязательным, на что было указано в работах (Булыгина, Шмелев 1993; 1997): *Фильм, кажется, хороший*.

Это наблюдение можно распространить и на другие оценочные суждения: *Здесь холодно* → *Говорят, здесь холодно*; *Борщ был вкусный* → *Оказывается борщ был вкусный*.

Помимо рассмотренных случаев непосредственно говорящему принадлежат императивные, вопросительные, оптативные и перформативные высказывания. При передаче таких высказываний, исходящих от другого лица, говорящий также должен преобразовать перформативное высказывание

в дескриптивное, а императивное, вопросительное и оптативное - в сложное предложение с глаголом речи.

Литература

- Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Гипотеза как мыслительной и речевой акт (ред. Н. Д. Арутюнова). Логический анализ языка. Ментальные действия. М., "Наука", 78-82.
- Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., Школа "Языки русской культуры", 1997.
- Friedman, Victor A. Toward a typology of Status // *The Elements: a parasession on linguistic units and levels*. 1979.

Zur Faktizität von Prädikaten des Wissens im Bulgarischen und Russischen

R. Nicolova

Gleich anderen mentalen Prädikaten, so haben auch die Prädikate des Wissens als erstes Argument den Menschen oder ein anthropomorphes Wesen mit der semantischen Rolle des Experiencers und als zweites Argument die propositionale Komponente (einen Nebensatz, eine Infinitiv- oder Partizipialkonstruktion). Die propositionale Komponente (p) drückt zunächst die Situation aus, auf welche referiert wird: 1. von Seiten des Subjektes zum kognitiven Prädikat (SKP); 2. von Seiten des Sprechers (S), welcher seinerseits auch die Einstellung des Hörers zu p mit einbezieht. Bei wiedergegebener Rede ist es möglich, dass S eine andere Einstellung zu p im Vergleich mit dem Autoren der aktuellen Rede hat.

Die subjektiven Einstellungen können in zwei Grundarten eingeteilt werden: 1. vom Gesichtspunkt des Bezuges der von p bezeichneten Situation gegenüber der realen oder einer möglichen Welt; 2. vom Gesichtspunkt des Einbeziehens oder Nichteinbeziehens der Informationsquelle für den Sprecher zum Inhalt des mentalen Zustandes. So kann zum Beispiel im Bulgarischen ein Zweifel des Sprechers am Wahrheitsgehalt von p noch zusätzlich bei der indirekten Rede zum Ausdruck gebracht werden.

In vorliegender Arbeit werden Sätze mit einigen Prädikaten des Wissens im Bulgarischen und Russischen untersucht (bulg.: *znam, izvestno (mi) e, pomnja, spomnja si, spomnjam si* und russ.: *znať, izvestno, pomnit', vspomnit' vspominat'*.) mit dem Ziel, subjektive Einstellungen zu p als Situation aus der realen oder einer möglichen Welt zum Ausdruck zu bringen. Diese beiden eng verwandten Sprachen weisen erhebliche Unterschiede hinsichtlich des Grades der Grammatikalisierung zur Bezeichnung dieser Verhältnisse auf.

Vendler (1967) bezeichnet die Prädikate des Wissens als faktive Prädikate - im Gegensatz zu den Prädikaten des Meinens (belief) können diese als Komplement eine indirekte Frage enthalten. Die Gebundenheit des Verbes *znat'* im Russischen, (auch bei Verneinung) der Präsupposition über die Wahrhaftigkeit von *p* wird von Apresjan (1995:411) unterstrichen.

Diese Behauptung ergänze ich durch drei Beispiele, wo *p* mit der Präsupposition von *S* für Nonfaktizität verbunden ist.

1. Im Nebensatz existiert ein modaler Marker für Möglichkeit oder Notwendigkeit: z.B.: bulg.: Inzhenerite znajat, tche samo na tova mjesto mozhe (trjabva) da se postroi most; russ.: Inzhenery znajut, tchto tol'ko na etom meste mozhno postroit' most.

2. Der Hauptsatz ist ein Interrogativsatz und *p* wird mit einem Nebensatz bezeichnet, der eine allgemeine Frage ist - im Bulg. durch die Konjunktion "da", welche als Zeichen für Nonfaktizität steht, im Gegensatz zur Konjunktion *che*, welche als Marker für Faktizität steht. (unleserlich) Beispiel:

(1) Ti znaesh li, tche njakoj e pisal po tosi vupros? (d.h. die Präsupposition ist, daß ich weiss, daß *X* existiert, welcher zu dieser Frage geschrieben hat) und

(2) Ti znaesh li njakoj da e pisal po tosi vupros? (hier ist die Präsupposition folgende: Ich nehme an, daß es möglich ist, daß *X* existiert, welcher zu dieser Frage geschrieben hat.)

3. Das kognitive Prädikat enthält eine Verneinung (dieser Fall wird ausführlicher in der Untersuchung betrachtet).

Da *S* nicht immer auch SKP ist, gibt es zwei Möglichkeiten:

a) *S* hat die gleiche Einstellung zu *p* als SKP oder lässt es in der indirekten Rede, welche gleichzeitig seine Äusserung ist, einfach unverändert;

b) *S* hat eine bestimmte Einstellung zu *p*, welche sich nicht mit dem Verhältnis von SKP zu *p* deckt, und er informiert den Hörer darüber - Sätze mit Verneinung des kognitiven Prädikates sind das ideale Beispiel dafür.

Im Bulgarischen wird bei einer bejahenden Form des kognitiven Prädikates im Aussagesatz *p* mit einem "tche - Satz" bezeichnet, bei einer negierenden Form - mit einem "tche" - und mit einem "da - Satz". Vgl.: (3) Ivan znac, tche Marija e bila v Sofia; (4) Ivan ne znac, tche Marija e bila v Sofia - Praes.: *Az znaja, tche p.* Assert. - *Az tvurdja, tche I. znac, ce p,* d.h. *S* und SKP wissen nicht das gleiche, im Gegensatz zu (3); (5) Ivan ne znac, Marija da e bila v Sofia - Praes.: *Ich weiß, daß M p (p ist möglich);* Assert.: *Ich behaupte, dass Ivan nicht weiss, ob M p eingetreten ist, d.h. ob das mögliche p Faktum geworden ist.*

Die bulgarischen "tche-Nebensätze" bezeichnen eine Situation, welche durch *p* dargestellt wird, als real, während die "da-Nebensätze" die Situation einer möglichen Welt bezeichnen.

Vgl. (6) Ne mi e izvestno, tche poetut e pisal i proza - *S* deckt sich mit SKP - Praes. *Az znaja, tche p,* Assert.: *Ich behaupte, daß ich nicht weiss, dass p, folglich zerstört die Assertion die Präsupposition. Dieser Satz ist nur möglich als Reaktion auf eine Behauptung des Hörers, dass p ein Faktum ist. S bringt zum Ausdruck, daß sein mentaler Zustand in Bezug auf *p* nicht mit dem des Hörers übereinstimmt, d.h. er hat *p* noch nicht in seinem Wissen als Faktum aufgenommen.* (7) Ne mi e izvestno, poetut da e pisal i proza - Praes.: *Ich weiss, dass M p (p ist möglich);* Assert.: *Ich behaupte, dass es mir nicht bekannt ist, dass M p inzwischen *p* geworden ist, d.h. Faktum. Die gleiche Gegenüberstellung der beiden Arten von Nebensätzen kann man auch bei den Verben der Erinnerung beobachten, welche den semantischen Primitiv "wissen" enthalten. (Siehe Van Valin, Wilkins 1993)*

Im Russischen gibt es eine derartig ausgeprägte Grammatikalisierung zur Bezeichnung von *p* als Faktum oder Nonfaktum nicht. Sätze mit *p* als Nonfaktum bei Verneinung sind eher eine marginale Erscheinung. Die Merkmale "Faktizität"/

"Nonfaktizität" können mit der Person des Verbes im Haupt- und Nebensatz korrelieren oder mit den semantischen Merkmalen der lexikalischen Bedeutung des kognitiven Prädikates. Beispielsweise korreliert das Merkmal der Faktizität mit dem resultativen Merkmal bei *vspomnit'*, *vspominat'*, vgl. (8) Ja ne pomnju, tchtoby Ivan dal mne knigu (p ist Nonfaktum); (9) Ivan ne pomnit, tchto ja dal emu knigu (p ist Faktum); (10) Starik ne vspomnil, tchto Ivan ego posetil (p ist Faktum).

Literatur:

- Apresjan 1995 - Ju. D. Apresjan, *Integral'noe opisanie jazyka i sistemnaja leksikografija*, Izbr. trudy, t. II, Moskva.
- Van Valin, Wilkins 1993 - R. D. Van Valin, Jr., D. P. Wilkins. Predicting Syntactic Structure from Semantic Representations: *Remember* in English and its Equivalents in Mparntwe Arrente. In: R.D. Van Valin, Jr. (ed.) *Advances in Role and Reference Grammar*, Amsterdam/Philadelphia.
- Vendler 1967 - Zeno Vendler, *Linguistics in Philosophy*, Ithaca.

Ještě jednou teorie valence – tentokrát na materiálu českých adjektiv primárních

J. Panevová

1. Výchozí teorie valence jako jasný příklad souhry lexikálních a gramaticko-sémantických rysů byla vyložena na minulém zasedání Komise (Certosa di Pontigniano, Siena, 1996). Její platnost a udržitelnost demonstrována dosud na slovesech (včetně obtížných případů sloves neosobních nebo neosobně užitých) je zde exemplifikována na materiálu českých adjektiv.

Za valenční členy se pokládají **aktanty/participanty** (ty jsou **obligatorní** nebo **fakultativní**) a **obligatorní cirkumstanty** (okolnostní určení). K aktantům patří **Konatel, Patiens, Adresát, Origo a Efekt**. O valenčních členech slovesa se dále konstatuje, že: (a) některé sémanticky obligatorní členy jsou na povrchové rovině vypustitelné, aniž dochází ke ztrátě gramatičnosti, (b) valenční členy (zejména Konatel, Patiens a Adresát) mohou být "zevšobecněny". Důsledkem (a) i (b) jsou zpravidla elipsy na povrchové rovině, jsou to však "elipsy" různého druhu.

Konatel a Patiens se u slovesa chápou tesnièrovsky jako první, resp. druhý aktant v souladu s jejich jazykovou strukturací. V konstrukcích *knihla vyšla; komín kouří* je první (a jediný) aktant strukturován jako Konatel, byť jde kognitivně o Patiens, resp. Lokativ; podobně konstrukce *někdo oslovil někoho* je strukturována stejně jako *někdo zasáhl někoho* a jde tu tedy o první a druhý aktant (Konatel a Patiens, po řadě), byť druhý z nich je zřejmě kognitivně Adresátem, jazykově

"posunutým" na místo Patientu. Má-li sloveso 1-2 argumenty/aktanty, musí jimi být po řadě zaplněno místo Konatele a Patientu.

2. Těžištěm tohoto příspěvku je, jak se jeví z hlediska těchto hypotéz **valence adjektiv**. U adjektiv, u nichž se empiricky nabízí valenční vázanost některého doplnění, budeme tedy zkoumat:

- (ii) použitelnost "otázkového" testu pro stanovení obligatornosti členu,
- (iii) platnost schématu "posouvání" s ohledem na jazykovou strukturu,
- (iv) repertoár valenčních členů adjektiva, shody s repertoárem u slovesa, popř. potřebu doplnění nového typu specifického pro adjektiva.

2.1 Z příkladů (1)-(4) plyne, že odpověď *Nevím* na otázku po valenčním (sémanticky obligatorním) členu je stejně neakceptovatelná jako při testování valence slovesné. Jsou tu i jisté pochyby, zda valenční člen adjektiva *odlišný* je vypustitelný (srov. ? u (2) a (3), zatímco v (4) je vypuštěno reciproční zájmeno):

- (1) **Podobný** obraz jsem viděla v Zwingeru. (*Čemu? *Nevím*)
- (2) ?Tato knížka je **odlišná**. (*Od čeho? *Nevím*)
- (3) ?Přečti si **odlišnou** knížku! (*Od čeho? Od této knížky*)
- (4) Přečti si několik **odlišných** knížek!

"Všeobecnost" valenčního členu adjektiva je patrně častější než u valenčních členů slovesa, srov. (5), (6):

- (5) Policie zatkla **nebezpečného** (*všem potenciálně ohroženým*) zločince.
- (6) Tento průvodce vám bude na cestách **užitečný** (*k čemukoli, ke všemu, co bude na cestě potřebné*).

2.2 Jedna valenční pozice je u adjektiva "likvidována" tím členem, který je adjektivem determinován nebo o kterém adjektivum predikuje. U adjektiv deverbativních může jít o různé aktanty (valenční pozice), srov. (7)-(9), u adjektiv primárních nebo se slovtvornou motivací zastřenou je to vždy pozice prvního aktantu (Konatele), srov. (10), (11).

- (7) Poslouchej dědečka, který (*Act*) předčítá pohádky ----> poslouchej *dědečka předčítajícího pohádky*
- (8) Jan mi podal noviny, které (*Pat*) přečetl ----> Jan mi podal *přečtené noviny*
- (9) *Zákazník (Adr)* dobře *informovaný* o našich servisních službách (*Pat*) navštěvuje náš servis pravidelně. <--- *zákazník, kterého (Adr) jsme dobře informovali o... službách (Pat)*
- (10) Ukázal nám *plnou kapsu* (peněz) <--- Ukázal nám kapsu, která byla plná (peněz).
- (11) *Spokojený zákazník* je vizitkou našeho obchodu <--- *Zákazník, který je spokojený (s námi)*, je vizitkou...

2.3.1 Jako **Patiens** (v širokém chápání tohoto aktantu) navrhuje analyzovat valenční člen u adjektiv ve (12): (12) plný čeho /*polon chego*/, schopný čeho /*sposobnyj k chemu*/, vědomý (si) čeho, znalý (čeho), dalek(ý) čeho, vzdálen(ý) čeho, lačný čeho /*zhadnyj na čto*/, podobný komu/čemu /*podobnyj chemu*/, příbuzný komu/čemu//s kým/čím /*rodstvennyj s kem/chem*/, rovnocenný komu/čemu, rovnoběžný s čím, shodný s čím, souměrný s čím, paralelní s čím, hotov(ý) s

kým/čím, spokojený s kým/čím /*dovol'nyj chem*/, solidární s kým/čím, odlišný od čeho, rozdílný od čeho.

2.3.2 Jako Adresát hodnotíme valenční člen u adjektiv z (13):

(13) nápadný (čím) komu/čemu, sympatický komu /*simpaticnyj komu*/, nepříjemný komu, povědomý komu, přístupný komu/čemu, známý komu /*izvestnyj komu*/, věrný komu/čemu, patrný komu, zřejmý komu, srozumitelný komu, přátelský komu/ke komu, příslušný komu/k čemu, ohleduplný ke komu/čemu;

Zevšeobecňování adresátu je tu časté, srov. *sympatický člověk* - pokud není vyjádřeno, rozumí se všem, *komukoli*; *známý herec* - všem zainteresovaným.

2.3.3 U adjektiv ze (14) by bylo možno uvažovat o valenčním okolořnostním určení **Zřetele**, avšak testování kompatibility s jiným zřetelovým určením v (15), (16) ukazuje, že valenční určení není prostě zřetelové: V (15a) a (15b), a analogicky v (16), ťostáváme dvě různá tvrzení, nelze tedy u těchto určení pracovat se stejným ohodnocením). Valenční člen bude lépe pokládat opět za **Patiens**.

(14) hrdý na koho/co /*gordyj chem*/, pyšný na koho/co, domýšlivý na koho/co /*samouverennyj v chem*/, zvědavý na koho/co, žárlivý na koho/co, závislý na kom/čem, pověstný čím /*znamenityj chem*/, úspěšný v čem /*uspeshnyj v chem*/.

(15)(a) Otec je hrdý na dceru se zřetelem k nízkému počtu vyléčených narkomanů.

(b) Otec je hrdý se zřetelem k dceři na nízký počet vyléčených narkomanů.

(16)(a) Je závislá na sociálních dávkách co do včasného zaplacení nájemného.

(b) Je závislá co do sociálních dávek na včasném zaplacení nájemného.

2.3.4 Valenční doplnění adjektiv ze (17) navrhuje hodnotit jako Účel, jde tu ovšem často o konkurenci s volným určením **Benefaktivu**, srov. (18)-(20):

(17) vhodný k čemu/na co/proti čemu, užitečný k čemu/proti čemu /*udobnyj, poleznyj dlja*/, názorný k čemu, příznačný pro koho/co, důležitý k čemu/pro co, směrodatný pro co

(18) Tento postup je pro výklad jevu/k výkladu jevu názorný pro studenty (volný *Prospěch*).

(19) Pas je důležitý pro každého zahraničního turistu (volný *Prospěch*). Pro co/Kvůli čemu? K vycestování za hranice.

(sémanticky obligatorní Účel)

(20) Tento repelent je vhodný proti komárům (Účel s negací - aby nebyli komáři) hlavně pro děti (volný *Prospěch*).

2.3.5 U určení sémanticky směrového nenacházíme všechny potřebné vlastnosti Lokativu a Směru, ale jen vazebnou tvarovou vázanost. Pokládáme proto valenční určení adjektiv v (21) také za **Patiens**:

(21) kolmý na co /*perpendikuljarnyj na chto*/, vzdálený od čeho, blízký čemu.

2.3.6 U valenčních určení, jimž by sémanticky bylo možno přiřpat určení **Příčiny** (v (22)), zjišťujeme, že při souvýskytu dvou "příčinných" určení nelze jejich formální prostředky volně zaměnit ((23a) a (23b) nejsou synonymní, srov. i Zřetel, odd. 2.3.4). Kloníme se proto i zde k tomu, že valenční určení je **Patiens**:

(22) zoufalý z koho/čeho, nervózní z koho/čeho /*nervnyj ot čego*/, nešťastný z koho/čeho

(23)(a) Je zoufalá z matky kvůli stanovené diagnóze.

(b) Je zoufalá kvůli matce ze stanovené diagnózy.

2.3.7 Dvouvalenční adjektiva demonstrujeme příklady v (24):

(24) dlužen co (Pat) komu (Adr), vděčný za co (Pat) komu /čemu (Adr), nápadný čím (Pat) komu (Adr), odpovědný za koho/co (Pat) komu (Adr) /*otvetstvennyj za čto pered kem*/.

3. Otevřenou ponecháváme zatím otázku vztahu "absolutního" užití některých z adjektiv analyzovaných v odd. 2, jako např. *zoufalý*, *nešťastný*, *pyšný*, *zvědavý*, *žárlivý* ap. Možné řešení, že jde o polysémii absolutního pojetí vlastnosti a významu s naplněným valenčním místem, pokládáme za neekonomické. V dalším možném řešení je tzv. "absolutní" užití chápáno jako extrémní případ zevšeobecnění valenčního členu; takový valenční člen je označen ve valenčním rámci lexikální jednotky speciálním příznakem.

4. Závěrem shrneme hypotézy, k nimž jsme při zkoumání adjektivní valence v rámci naší zvolené teorie valence došli:

- (a) u "primárních" adjektiv je kognitivně "zlikvidována" pozice Konatele;
- (b) není empirický důvod rozšiřovat seznam doplnění známých od sloves;
- (c) valenční členy jsou zřídka povrchově obligatorní, tj. nevypustitelné;
- (d) existují adjektiva s dvěma valenčními pozicemi;

(e) použití schématu posouvání v čisté podobě je u adjektiv vyloučeno s ohledem na (a) a na (d), avšak jeho modifikace (první valenční člen je Patiens) se nabízí;

(f) hlavními hledisky pro stanovení valenčního rámce adjektiva jsou sémantická obligatornost a vazebnost (rekčnost).

„Он очень даже женат!“

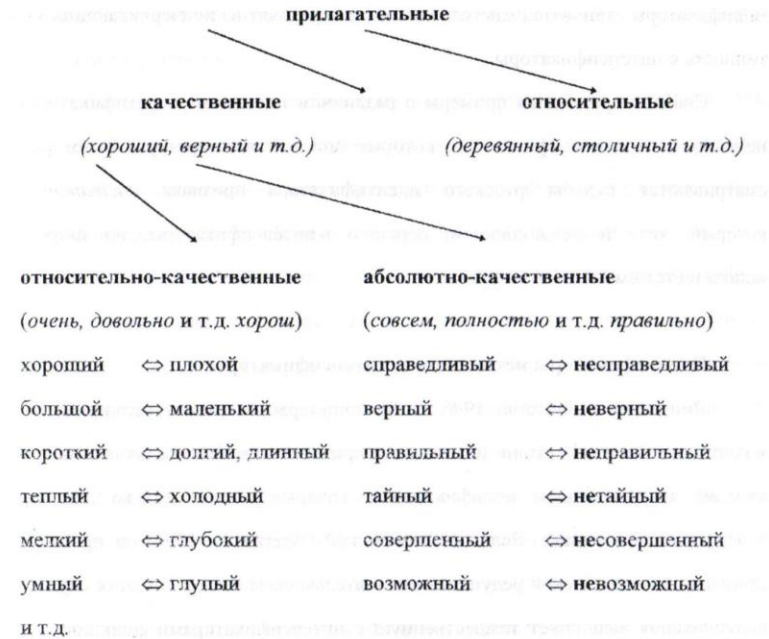
Абсолютные и относительные признаки

Н. Tommola

В ситуации, где спрашивают, *‘разве Иван женат?’*, либо утверждают, что *‘он холостяк’*, говорящему могут ответить: *‘Он очень даже женат’*. Какими прагматическими соображениями мотивируется такое высказывание, зависит от индивидуальных коннотаций, связанных с Иваном как мужем в данном случае: что ли он исключительно верный муж, что ли жена его держит тяжелой рукой и т.п. Во всяком случае, мы имеем здесь дело с контрастным ответом, которым подчеркивается истинность признака (*‘он в самом деле женат’*).

Этим примером иллюстрируется окказиональное, индивидуальное и экспрессивное употребление интенсификатора (*‘очень’*) вместо *‘эмфазайзера’* или идентификатора истинности (*‘действительно’*), причем нарушается конвенциональное правило восприятия признака абсолютным (в том же смысле, как *‘телевизор’* в каждый данный момент либо только *‘включен’*, либо *‘выключен’* — третьего не дано). Такое употребление противоречит также универсальной тенденции превращения идентификаторов истинности в интенсификаторы, а не наоборот.

Излагаемые наблюдения посвящены раскрытию того, как носители языка склонны релятивизировать абсолютные понятия. В таблице, где прилагательные, во-первых, разделяются на две категории (качественные и относительные), *женат* следовало бы, по-видимому, отнести к относительным, таким как *каменный, деревянный, столичный, государственный* и т.д.

Качественные прилагательные, в свою очередь, можно условно разделить на две категории, (качественно-)относительных и (качественно-)абсолютных признаков (см. таблицу). Чтобы не перепутать два разноуровневых типа *‘относительных’* прилагательных, будем в противопоставлении с абсолютными пользоваться термином *релятивные*.

Во-первых, речь идет о том, какие прилагательные, причастия и наречия выражают абсолютный признак, а какие — релятивный, подвергающийся градации и интенсификации. Во-вторых, какими наречиями или другими адвербиальными модификаторами прилагательные могут модифицироваться, и как эти

модификаторы становятся многозначными и переходят из подчеркивающих истинность в интенсификаторы.

Сначала приводятся примеры о различном поведении идентификаторов истинности и интенсификаторов, которые описаны в литературе. Затем рассматриваются судьбы русского идентификатора признака *достаточно*, который, хотя и не полностью перешло в интенсификаторы, но широко используется именно в этой функции.

Идентификаторы истинности и интенсификаторы

Линдстрем (Lindström 1996, forthcoming) рассматривает редупликацию в контексте идентификации истинности признака, противопоставляя данное явление адвербиальным модификаторам, которые служат только для интенсификации признака. Вслед за Вежицкой (Wierzbicka 1991) он приводит примеры синтаксической редупликации в итальянском языке. В одних случаях редупликация выполняет тождественную с интенсификаторами функцию (*Lei ha occhi neri neri / molto neri* 'У нее глаза **черные-черные / очень черные**'), тогда как в других случаях редупликация является интенсификатором истинности, и не может быть заменена интенсификаторами (*Vengo subito subito / *molto subito* 'Иду **сейчас-сейчас / ?очень сейчас**').

Подчеркивание истинности признака может приближаться к простой характеристике большой степени признака. *Достаточная*, т.е. большая мера (ср. эволюцию употребления русского *достаточно*) свойства или признака необходима для того, чтобы вообще имела смысл констатация **действительности** свойства или признака. С другой стороны, имеются понятия, отражающиеся

в языке, которые не подвергаются градации, но истинность которых имеет смысл подчеркивать).

Линдстрем приводит примеры из шведского языка: как о том, что, будучи синтаксическим способом идентификации истинности, редупликация сама сочетается с лексическими идентификаторами (*Man behöver någon som man har som riktigt god god vän* 'Человеку нужен друг **действительно хороший-хороший**'), так и об идентификации настоящего качества через дублета (*En riktig roman, en romanroman med andra ord* '**Настоящий** роман, словом, *роман-роман*'). В работе Линдстрема содержится интересный примерный материал также об эволюции имен прилагательных со значением 'истинный' (например, англ. *real* и финск. *tosi*) и 'подлинный' (голл. и нем. *echt*), употребляемых в разговорной речи в функции интенсификатора-эмфазайзера ('очень'). Интересен сам механизм релятивизации абсолютных понятий, развития значений, подлинно не поддающихся градации, в сторону относительности. Отдельные вопросы судьбы лексических значений более подробно рассмотрены в работах (Tomola 1996a, 1996b).

Достаточно = 'в значительной степени'

Как произошло с древнерусским *довольно* 'достаточно', так и *достаточно* в современном русском языке приобретает функцию интенсификатора (Tomola 1996b), ср. примеры: *Проблем здесь, однако, еще достаточно много* („Техника и наука“); *Это тоже достаточно дорогостоящее решение* („Наука и жизнь“); *Пыли здесь накопилось достаточно за это время, пыли и голубинового помёта* (Аксенов). Подобная

тенденция наблюдается также у нем. *genug* (*das ist wenig genug*), шведск. *nog* (*det är lätt nog*), англ. *enough* (*oddly enough*), франц. *assez*, и в других языках.

Если человек говорит, когда у него проблемы, что у него их 'достаточно', то он, очевидно, не выражает искреннего удовольствия по этому поводу, скорее наоборот. Такие высказывания, основывающиеся на иронии, легко идиоматизируются и лексикализируются (*mutatis mutandi* и грамматикализируются): все большее количество людей осваивает экспрессивный и эмоциональный образ выражения, а такой процесс неминуемо кончается тем, что экспрессивность слова, оборота или фразы стирается, как нам известно из истории умирающих метафор.

Апресян ([1974]1995) выделяет среди регулярных типов многозначности прилагательных параметрические значения (Апресян 1995: 213–214), в том числе тип "'больше нормы X-а' – 'слишком большой по X-у'" (например, *длинный, короткий*). По аналогии можно предложить тип многозначности параметрических значений: 'соответствующий норме X-а' – 'больше нормы X-а'.

Литература:

Апресян Ю.Д. [1974]1995. *Лексическая семантика. Синонимические средства языка [Избранные труды, том I]*. 2-е издание, исправленное и дополненное. Москва: Школа "Языки русской культуры", Издательская фирма "Восточная литература" РАН.

Lindström, Jan (forthcoming) „Truth identifiers, intensifiers and reduplication“. *Proceedings from the XVth Scandinavian Conference of Linguistics, November 14–16, 1996 in Turku*.

Tommola, Hannu 1996a. "Tendencies towards enantiosemey: *dostatoëno p'jan = kottuullisessa kännissä?*". In: Baschmakoff, N. & A. Rosenholm & H. Tommola (eds.), *Aspeketeja*. Slavica Tampereusia V. Tampere: University of Tampere, 343–353.

Tommola, Hannu 1996b. "Russian *dostatoëno* 'sufficiently, enough' vs. 'fairly, very': a neglected case of polysemy", in: Gellerstam, Martin & Jerker Järborg & Sven-Göran Malmgren & Kerstin Norén & Lena Rogström & Catarina Röjder Pappmehl (eds) 1996. *Euralex '96 Proceedings I-II*. Göteborg: Göteborg University, Department of Swedish 1996. 615–625.

Wierzbicka, Anna 1991. *Cross-cultural pragmatics. The semantics of human interaction*. Berlin: Mouton de Gruyter.

Уступительные предложения в системе импликативных конструкций

В. С. Храковский

Хорошо известно, что существуют некоторые общие принципы устройства мира, которые отражают восприятие мира человеком. В соответствии с этими принципами то или иное развитие ситуаций, смена одних ситуаций другими, сосуществование ситуаций понимаются либо как закономерные, отражающие естественный ход событий, либо как незаконмерные, отражающие неестественный ход событий, который вызван какими-либо причинами, мешающими естественному ходу событий. И представления о нормальном ходе событий, и представления о ненормальном ходе событий закреплены в языке, который "настроен" на воспринимающего субъекта. Эти представления в равной мере отражаются во всех конкретных языках с помощью определенных синтаксических конструкций.

В частности, в системе импликативных конструкций естественное развитие ситуаций отображают причинные и условные конструкции, см. (1), (2), (3), а неестественное развитие ситуаций отображают причинные уступительные и уступительно-условные конструкции, см. (4), (5), (6):

- (1) *Петров купил жене подарок, потому что получил деньги,*
- (2) *Если Петров получил деньги, он купит жене подарок,*
- (3) *Если бы Петров получил деньги, он бы купил жене подарок.*
- (4) *Хотя Петров не получил денег, (но) он купил жене подарок,*
- (5) *Даже если Петров не получил денег, он купит жене подарок.*
- (6) *Даже если бы Петров не получил денег, он бы купил жене подарок.*

Если в конструкциях, предназначенных для отображения естественного хода событий, выражать развитие ситуаций, которое с позиций наивной логики представляется неестественным, то тогда эти конструкции, оставаясь грамматически правильными, становятся прагматически некорректными. Аналогичным образом, если в конструкциях, предназначенных для отображения неестественного хода событий, выражать развитие ситуаций, которое с позиций наивной логики представляется естественным, то тогда и эти конструкции, оставаясь грамматически правильными, становятся прагматически некорректными. Ср. (1) и (1а), (2) и (2а), (3) и (3а), (4) и (4а), (5) и (5а), (6) и (6а):

- (1а) *?Петров купил жене подарок, потому что не получил денег,*
- (2а) *?Если Петров не получил денег, он купит жене подарок,*
- (3а) *?Если бы Петров не получил денег, он бы купил жене подарок.*
- (4а) *?Хотя Петров получил деньги, (но) он купил жене подарок,*
- (5а) *?Даже если Петров получит деньги, он купит жене подарок.*
- (6а) *?Даже если бы Петров получил деньги, он бы купил жене подарок.*

Следует сделать следующую существенную оговорку. Из деления синтаксических конструкций отражающих естественное и неестественное развитие ситуаций, отнюдь не следует, что конкретные ситуации также можно разделить на две группы по этому же параметру. Дело в том, что одна и та же конкретная ситуация, по мнению говорящего, при одних обстоятельствах отражает естественное развитие событий, а при других - неестественное. Сравним в этой связи причинную конструкцию (7) и уступительную конструкцию (7а):

- (7) *Петров поехал в санаторий, потому что получил деньги,*

(7a) *Хотя Петров получил деньги, он поехал в санаторий.*

И грамматически, и сематически эти примеры, состоящие из одних и тех же слов, исключая союзы, абсолютно корректны, однако они заметно отличаются друг от друга по смыслу, что определяется исключительно значением союзов. В (7) речь идет о естественном развитии событий (поездка в санаторий определяется получением денег - употреблен союз *потому что*), в (7a) речь идет о неестественном развитии событий (поездка в санаторий не только не определяется получением денег, но и находится в противоречии с этим фактом - употреблен союз *хотя*).

Следует, разумеется, оговорить и то обстоятельство, что в разных культурах одно и то же развитие ситуаций может оцениваться по-разному в зависимости от принятых в данной культуре норм и законов. В свете сказанного, очевидно, содержание условной конструкции (8) будет различным образом охарактеризовано в мусульманской и христианской культурах:

(8) *Если этот человек накопит достаточно денег, он возьмет вторую жену.*

Как известно, согласно нормам мусульманской религии мужчина может иметь до трех жен, и поэтому с позиций мусульманина в этой условной конструкции отражается естественный ход событий. Иначе эта конструкция будет оцениваться с позиций христианской культуры, поскольку согласно нормам христианской культуры многоженство запрещается. Иначе говоря, христианин будет оценивать эту конструкцию как грамматически правильную, но прагматически некорректную.

Итак подчеркнем еще раз. Оценка одного и того же развития ситуаций в принципе величина переменная, и в то же время постоянной и универсальной

является классификация, согласно которой одни конструкции выражают нормальный ход событий, а другие выражают ненормальный ход событий.

Если согласиться с высказанными предположениями и оговорками, то можно сделать следующий шаг и выделить в системе имплицативных конструкций две подсистемы. В первую подсистему входят причинные и условные конструкции, которые, как уже говорилось, выражают естественный ход событий. Во вторую подсистему входят уступительные и уступительно-условные конструкции, которые выражают неестественный ход событий. При этом уступительные конструкции типа (4) "коррелируют" с причинными конструкциями типа (1), уступительные конструкции типа (5) "коррелируют" с условными конструкциями типа (2), обозначающими выполнимое условие, а уступительные конструкции типа (6) "коррелируют" с условными конструкциями типа (3), обозначающими невыполнимое условие.

Теперь мы попытаемся предложить приблизительные соотносительные толкования конструкций, входящих в каждую коррелирующую пару. Мы начнем с того, что попытаемся предложить приблизительные соотносительные толкования конструкций, входящих в каждую пару.

Толкование причинной конструкции типа *Q потому что P*: "имеет место P и имеет место Q; Q следует из P; по мнению говорящего, это нормально".

Толкование "коррелирующей" уступительной конструкции типа *хотя P, Q*: "имеет место P и имеет место не-Q; не-Q не следует из P; по мнению говорящего, из P нормально должно следовать Q".

Толкование условной конструкции типа *если P, Q*: "может иметь место P; Q следует из P; по мнению говорящего, это нормально".

ČÁST 2

TEXTOVÁ LINGVISTIKA

Толкование "коррелирующей" уступительной конструкции типа *даже если P, Q*: "может иметь место P и может иметь место не-Q; не-Q не следует из P; по мнению говорящего, из P нормально, из P нормально должно следовать Q".

Толкование условной конструкции типа *если бы P, Q*: "могло бы иметь место P; Q следует из P; по мнению говорящего, это нормально".

Толкование "коррелирующей" уступительной конструкции типа *даже если бы P, Q*: "могло бы иметь место P и могло бы иметь место не-Q; не-Q не следует из P; по мнению говорящего, из P нормально должно было бы следовать Q".

С деривационной точки зрения уступительные конструкции в каждой из соотносительных пар являются сематически производными по отношению к другим членам пар.

На базе эскизно очерченных исходных теоретических представлений в докладе специально рассматриваются русские уступительные конструкции типа (9) и (10):

(9) *Несмотря на хороший прогноз погоды, сегодня с утра льет дождь.*

(10) *Вопреки моему ожиданию, возле состава наблюдался порядок.*

Эти конструкции, будучи формально простыми, а не сложноподчиненными предложениями, большей частью остаются вне поля зрения специалистов, исследующих уступительные конструкции.

Примечание: работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ.

J. Kořenský

P. Sgall

O. Uličný

Slovo v textu

J. Kořenský

Zdánlivý triviální vztah slova a textu (věta a text se přece skládá ze slov, která mluví jako potenciální diskrétní jednotky vybírá ze souboru prostředků slovní zásoby a sestavuje z nich takto instrumentalisticky text) je třeba posoudit z několika hledisek: tento vztah je závislý na tom, z jaké teorie slova vyjdeme a z jaké teorie textu vyjdeme. S tím pak souvisí, zda budeme vztah slova a textu vidět orientované ve směru slovo - text, nebo text - slovo. V dnešní pluralizované lingvistice jsou právě tak představy slova jako i představy textu velmi různé. Zcela korektní by bylo, abychom shromáždili a typologizovali obojí a pak provedli jakési vzájemné zobrazení obou souborů s předpokladem, že některé podmnožiny (binární kombinace) budou jen teoreticky možné, pro jiné najdeme reálné obdoby v lingvistické literatuře. Takto ověřené kombinace zřetelně ukáží, že budou jednak případy, kdy teorie slova a teorie textu vzájemně harmonují, jsou v souladu - třebaže pochopitelně jsou co do vzájemného vztahu vždy orientovány v jednom či druhém směru - nebo, pohříchu velmi často, jsou v rozporu. Nejčastěji v tom smyslu, že propracovaná, komplexní zpravidla interdisciplinární teorie textu je korelována s tradiční představou o podstatě a funkcích slova. Teorie textu pak obvykle končí (viděno směrem od komplexních textových jevů) nebo začíná (viděno z opačného směru) u slova jako sémantému i gramatému a u základních morfosyntaktických vztahů, má tedy jakýsi neadekvátní nadstavbový charakter.

Jak teorie textu, tak i teorie slova lze - pochopitelně že schematicky - zhrubně charakterizovat jakousi dynamickou škálou, která do jisté míry reflektuje vývoj dominujících názorů na daný jev. U teorie slova jde o posloupnost stavů myšlení, na jejímž "počátku" je představa slova jako diskrétní, vysoce potenciální, bilaterální znakové

jednotky a na "konci" naopak představa slova jako výrazově konstrukčního gramatému, jenž je zajímavý především formálně, jako linearizační strukturační prvek, zatímco jeho sémantické vlastnosti jsou aktuálně, kontextově určeny diskurzem. Bylo by ovšem chybové vidět mezi oběma "póly" jednoduše vztah lineárního vývoje v reálném čase teoretického myšlení o jazyce a řeči. Stačí jen připomenout oscilace mezi unilaterálním a bilaterálním pojetím (lexikálního) znaku, podstatné difference v pojetí těchto věcí na půdě klasických strukturalismů - a bychom zůstali jen u novodobé lingvistiky. Zevrubnějším rozбором bychom ovšem brzy zjistili, že se tu skrze koncepčně metodologické difference projevují v rámci výše uvedené dynamické škály typologické rozdíly mezi jazyky.

Teorie slova není univerzální, ani není jen věcí intelektuální volby, je typologicky vázaná. To prakticky znamená, že i slovanské jazyky představují z tohoto hlediska svébytný problém (viz v závěru). Stejně tak představa textu je zobrazitelná na podobné ose, na jejímž "počátku" je představa textu jako parolové empirické materie, která dodává lingvistům informace pro langueovou (re)konstrukci jazyka, jež mnohdy dosahovala pouze k elementárně větně-konstrukčním principům, a na jejím "konci" je představa textu jako dominantní globální komunikační-sémiotické dynamické struktury, jejíž diskretnost je podstatně limitována situační kontextualitou a intertextualitou. Velmi obecně řečeno - jde o protiklad vidění textu jako pouhého empirického materiálu a textu jako teoretického cíle, teoretické konceptuální dominanty, dokonce jediné řečové reality. Lze najít doklady pro to, že jde o převažující směr vývoje: pro to svědčí nejen tendence v interdisciplinarizující se lingvistice, ale především vývoj sémiotiky jako takové, ale konec konců i vývoj alespoň některých lexikologických škol. Jde však i o časově paralelní podstatné difference. Připomeňme metodologicky pevně vázaný status korpusového pojetí textu v klasickém americkém strukturalismu, či pojem textu jako výsledku generativně-transformačních operací apod. Vyplývá z toho, že v tradicích klasického amerického

strukturalismu a následně i generativismu byl text přítomen konceptuálně, zatímco třeba v tradici pražské byl mimo prostor základní konceptuální vázanosti. Byl zkoumán zprvu vlastně jen ve stylistice, tedy mimo rámec gramatiky.

Má-li se uvažovat v rámci této plurality možností o konzistentním korelování teorií slova a teorií textu, je třeba především relativizovat pojem slova jako takový. Lexikologie myslí především pod tímto pojmem na slova, slovní druhy plnovýznamové, autosémantické, nikoli na tzv. synsémantika, slova gramatická, služebná, syntaktické operátory atd. V této souvislosti lze opět zobrazit teoretické vidění soustav slovních druhů na jakési škále. Jedním krajním bodem této škály je stav, kdy vlastnosti všech druhů jsou viděny ze zorného úhlu tzv. plnovýznamových slov. Lze to doložit teoretickým úsilím, které bylo věnováno na synchronní - tedy nikoli diachronní, etymologizující apod. - úrovni interpretací nejen např. pomocných, sponových sloves, ale i sémantické interpretací předložek, spojek apod. I slovní formy, jako jsou např. již zmíněná sponová, pomocná, široce kategoriální slovesa, spojky, předložky, se pak chápou jako sémanticky celostně předtextově interpretovatelné diskretní lexikální jednotky, nikoli jako operátory, funktoři, jejichž lexikální sémantika je v rámci jistých limit určena textovou pozicí. Naopak ovšem se lze setkat s teoriemi slova, které k řešení problému přistupují opačně: neváhám říct, že vykládají vlastnosti slova - tedy i slov plnovýznamových - analogicky vlastnostem slov synsématických, gramatických, neplnovýznamových. Chápou všechny druhy slov především jako textově konstituční, linearizační, syntagmatizační operátory. Přiznávám, že na minulém zasedání naší komise jsem s podobným výkladem - tehdy v podobě návrhu schémat gramatické informace pro výkladový slovník - přišel. Sémantika slova je pak - včetně slovních druhů plnovýznamových - konstruována směrem od nejkomplexnějších sémantických a pragmatických hodnot. Slovo je takto v sémantickém smyslu dáno jako pravděpodobnostně vymezený svazek selektivních tendencí "svého"

výskytu v linearitě textu. Že se realita dnešního myšlení o vlastnostech slov pohybuje spíše v širokém pásmu přechodů mezi těmito dvěma krajními póly, dokládá např. stav české lexikologické teorie (Filipec, Čermák 1985), řešení sémantických problémů v novém valenčním slovníku češtiny apod. Z hlediska současných teorií textu však tato jinak optimální a užitečná kompromisní řešení přinášejí právě onu již zmíněnou nedůslednost, která způsobuje, že teorie slova - v gramatickém i sémantickém pojetí - není vždy zcela adekvátní teorií textu.

Vhodnost té nebo oné teorie slova musí být relativizována vztahem k té nebo oné teorii textu - jak již bylo ostatně řečeno. Nejde o to prohlásit tu nebo onu představu za jediné správnou a jinou představu za neadekvátní: jde o - již na počátku zmíněné - slučitelné korelace teorií slova a teorií textu. A tady právě hraje hlavní roli směr uspořádání takové korelace: je-li východiskem teorie slova, pak je pravděpodobné, že budou vyhovovat takové teorie slova, které akcentují jeho předtextovou danost, imanenci, sémantickou svébytnost, apriorní sémantickou diskretnost. Tedy ty teorie, které vztah slova a textu vidí jako vztah pojmenování a usouvztažnění, přičemž je třeba si uvědomovat, že interpretace a aplikace těchto pojmů se stává stále obtížnější právě narůstající pozorností textové problematice. Pak ovšem budou možnosti volby odpovídající teorie textu limitovány. Adekvátní budou jen takové teorie, které jsme si zvykli označovat jako propoziční. Tedy ty teorie, které konstruují představu textu vzorcově (ve smyslu sémantickém i gramatickém). Stavebními prvky textu jsou tedy paradigmaticky definovatelné třídy vzorců větných, jejich derivátů, na nich založené paradigmatické třídy vzorců a typů textových a jejich variací (srov. Viehweger 1997).

Naproti tomu teorie, které označujeme jako komunikativní teorie textu, teorie textu orientované k jednání, tedy teorie, které postupují od vztahů nejvyšší komplexity dané aktuální interaktivitou produkce a recepce textu, teorie programově nejednotkového a

neparadigmatického myšlení budou dávat přednost takovým teoriím slova, které "degraduji" každé, tedy i vysoce autosémantické, plnovýznamové slovo na "pouhé" aktuální, pravděpodobnostně limitovatelné orientátory textové linearizace komunikací přenášených obsahových hodnot. V těchto teoriích (slova i textu) pak dochází z tradičního hlediska k paradoxnímu stavu, že slova jako spojky, spojovací výrazy, částice a snad i interjekce jsou významnějšími textově konstitutivními faktory než plnovýznamová slova, jejichž význam jakoby spíše "vycházel", vyplýval z globálních daností textotvorné sémiotické interaktivity. Stojí tu proti sobě představa slova jako suveréna pojmenování, které je pak "ještě" třeba usouvztažnit, a wittgensteinovská představa slova jako aktuálního textotvorného operátoru.

Cílem této úvahy bylo upozornit na to, že je třeba korelovat slučitelné teorie slova a textu, nikoli tedy klást tu nebo onu teorii slova, tu nebo onu teorii textu jako jediné správnou a jinou odmítat. Dnes dobře vnímáme novost a nesmírnou pluralitu teorií textů, ale teorie slova mnohdy chápeme jako dlouhodobě trvalé, neměnné nebo v jejich postupné evoluci obecně platné. Potřebujeme tedy budovat z textologického hlediska také teorie slova variantní, k textovým teoriím korelativní. Je třeba, aby to byly teorie slova dosahující maximální konstrukční a funkční jednoty sémantické a gramatické stránky slova. Zvláště v takových teoriích textu, které spatřují v aktuální řeči a textu ono první dané, se nemohou uplatnit teorie slova, které jsou založeny na lexikologizovaném tvrzení, že "na počátku bylo slovo". Nelze ani přehlédnout - již zmíněnou - typologickou vázanost vztahu slova a textu. Ve slovanských jazycích je slovo - míníme zde slova plnovýznamová - svou výraznou morfologičností silnějším textotvorným faktorem, než v jazycích jiného typu. Snad právě proto je textologicky vzato takto - formálně - především významným linearizačním relátorem.

Literatura:

- Filipec, J. - Čermák, F.: Česká lexikologie. Praha 1985
- Filipec, J.: K dialogu o české lexikologii a lexikografii, předpočítačové a počítačové. SaS 55, 1994, s.132
- Kořenský, J.: K otázce procesuálního pojetí slovní zásoby. SaS, 53, 1992, s.265
- Kořenský, J.: Ještě několik slov k možnostem výkladu lexikální složky jazyka. SaS, 55, 1994, s.301
- Kořenský, J.: Kam se vlna obrací aneb nikoli anti-Beaugrande. SaS 58, 1997, s.165
- Svozilová, N., Prouzová, H., Jirsová, A.: Slovesa pro praxi. Praha 1997
- Viehweger, D.: Úvahy ke gramatice textu: propoziční pojetí textu proti orientovanému k jednání. SaS 38, 1977, s.1

Věta, promluva a slovosled

P. Sgall

Interaktivní povaha jazyka vede k nutnosti studovat jazykový systém jako zakotvený v promluvách, ve sdělování, a tedy nejen jako kódovací soustavu; pro sdělování i pro jazyk je podstatné vyvozování důsledků ('inferencing'). Při studiu jazyka na základě promluv se hledají možná zobecnění; k nim patří pohled na význam věty jakožto operace nad obsahy paměti posluchače (srov. 'context change potential' I. Heimové a teorii reprezentace diskurzu H. Kampa) a na otázky koheze, zejména koreference. Základní generalizací je gramatická struktura věty, která zahrnuje i její aktuální členění a tak charakterizuje větu, i pokud jde o vhodnost jejího užití v širším nebo užším souboru k o n t e x t ů . Při klasifikaci kontextové vhodnosti věty jde o stupně dané jejím aktuálním členěním i jinými faktory, jako je užití zájmen, přítomnost konkurentů, empatie aj.

Ve větách s normální intonací je slovosled hlavním prostředkem vyjádření jejich AČ. Nepovažujeme za přesný předpoklad N. Savického, že slovosled bezprostředně vyjadřuje vztah podmět - předmět všude, kde z pádových tvarů ani ze sémantiky věty (z jejího lexikálního obsazení, tedy konec konců inferenčně) není zřejmé pořadí opačné. Přesnější asi je (a víceméně obdobně praktické důsledky má) hypotéza počítající s tím, že patiens, pokud není kontextově zapojený, je vždycky umístěn až za konatelem. Tato hypotéza přímo vyplývá z předpokladu tzv. systémového uspořádání druhů doplnění.

Základní funkce a principy slovosledu můžeme vidět:

- (c) v aktuálním členění věty: primárně (při normální intonaci) odpovídá slovosled stupnici výpovědní dynamičnosti;
- (d) v Šmilauerově členské sounáležitosti, jejímž korelátem v aparátu závislostní syntaxe je podmínka projektivity stromu (zápisu větné stavby), kterou můžeme chápat jako splněnou v prototypických případech, s tím, že výjimky je třeba popsat speciálně.
- (e) K dalším faktorům slovosledu patří ikonicita, gramatikalizace a specifické sémantické rozlišení.

Rozdíl mezi striktními gramatickými omezeními ve stavbě věty a volnějšími podmínkami výstavby promíuvy se projevuje i tím, že u některých autorů se věta s určitým AČ někdy ocitá i v kontextových pozicích nevhodných.

Gramatická a informační struktura věty

O. Uličný

1. Jak známo, vyslovenou nebo napsanou větou předává mluvčí informace různého druhu a řádu. Lingvisty to vede k sestrojování rozmanitých stratifikačních modelů, v nichž se tyto informace do jisté míry a hloubky a s různou relevancí zachycují. Rovina syntaktické informace je zachycována jednou s důrazem na povrchovou sémantiku větnčlenskou (Hausenblas 1958), jindy s důrazem na sémantiku hloubkovou (Sgall 1967), konečně pak také se některé popisy bez aspektu větnčlenského obešly (Dokulil-Daneš 1958, Daneš 1964).

2. Komunikačně relevantní je binární informační relace *informační báze - informační příznak*. Ta se uplatňuje jak ve větné makrostruktuře *subiectum - dictum*, tak v mikrostrukturních relacích nazývaných obvykle vedlejší větné členy. Informační mikrostruktury i makrostruktury větné jsou vždy binární a hierarchické; jiné než specifikující (determinační) sémantické relace v informační struktuře věty neexistují (parataktické relace větu nestrukturují). V informačním aspektu syntagmatu hraje ovšem nejvýznamnější komunikační roli lexikální sémantika podporovaná sémantikou větnou hloubkovou. V relativně dokonale strukturované, zvl. psané větě je role hloubkové sémantiky z komunikačního hlediska latentní, její význam však vzrůstá ve

výpovědích mluvených, kde defektní nebo nulové morfologické ztvárnění nemá obvykle na komunikační efektivitu obsahově a pragmaticky nesložité sdělení vliv.

3. Pojmu a termínu *větný člen* se v aplikované i teoretické jazykovědě užívá v dvojím významu. Náležitě je první chápání, kdy se za větný člen považuje celá složená relace s dvěma argumenty zachycujícími vztahy v syntagmatu. Velmi běžné je však druhé chápání, které hypostazuje relaci a za větný člen pokládá pouze její zadní argument, tj. závislý člen syntagmatu. Rozlišení těchto dvou přístupů je pro pochopení vztahu mezi informační strukturou větněčlenskou na jedné a intenční (valenční) strukturotvornou stavbou podstatné.

4. Intenční (valenční?) struktura hloubkové syntaktické sémantiky věty spočívá nepochybně především ve vztazích mezi predikátem na jedné a intenčními participanty na druhé straně (srov. Uličný 1978). Jak jsme ukázali jinde (Uličný 1973, 1984), jsou tyto relace relevantní i gramaticky, protože **uspořádání** participantů je ve slovanských a i v jiných flektivních jazycích pádově relevantní. Zde se tedy na závislostní vztah *predikát-participant* navrstvují relace meziparticantového uspořádání. Takto složené relace jsou pak podloží pro model větné struktury gramatické.

5. Srovnáním modelu intenčního a větněčlenského zjišťujeme přes jisté koincidence podstatné rozdíly. Proto nelze podle našeho názoru oba tyto typy popisu směšovat (srov. Kačala 1971 aj., Mluvnice češtiny 3). Nejvýrazněji se nemožnost skloubení těchto dvou přístupů projevuje na tzv. levé intesanci: *Podmět* jako pojem

nemůže být intenční či valenční, protože jde o pojem z roviny gramatické informace. Podmět je informační bázi, proto se jeho morfologickými kategoriemi kategorie přísudku řídí, jsou na něm závislé. Jiný pohled na stejnou konstrukci, pohled intenční, umožňuje mluvit o závislosti (podmětového) nominativu prostřednictvím jeho hloubkové větné sémantiky a v souhře s ostatními participanty, s jejich vztahy k predikátu a v souhře s lexikální sémantikou všech složek věty. Tyto relace však spoluvytvářejí pádově - predikátovou kostru větné struktury, a s povrchově informačním statusem podmětu nesouvisejí.

Literatura

Daneš, F.: A Three-Level Approach to Syntax. In: TLP 1, Praha 1964, s. 224-240.

Dokulil, M. - Daneš, F.: K tzv. významové a mluvnické stavbě věty. In: O vědeckém poznání soudobých jazyků. Praha, 1958, s. 231-246.

Hausenblas, K.: Syntaktická závislost, způsoby a prostředky jejího vyjadřování. In: Bulletin VŠRJL II. Praha, 1958, s. 23-51.

Kačala, J.: Doplnok v slovenčine. Bratislava, 1971.

Sgall, P.: Generativní popis jazyka a česká deklinace. Praha, 1967.

Uličný, O.: K pádovému systému v češtině. Slavia 42, 1973, s. 347-361.

Uličný, O.: Ke koncepci sententémové intence. In: Příspěvky pro 8. MSS Záhřeb

1978. Praha, 1978, s. 88-106.

Uličný, O.: Instrumentál v struktuře české věty. Praha, 1984.